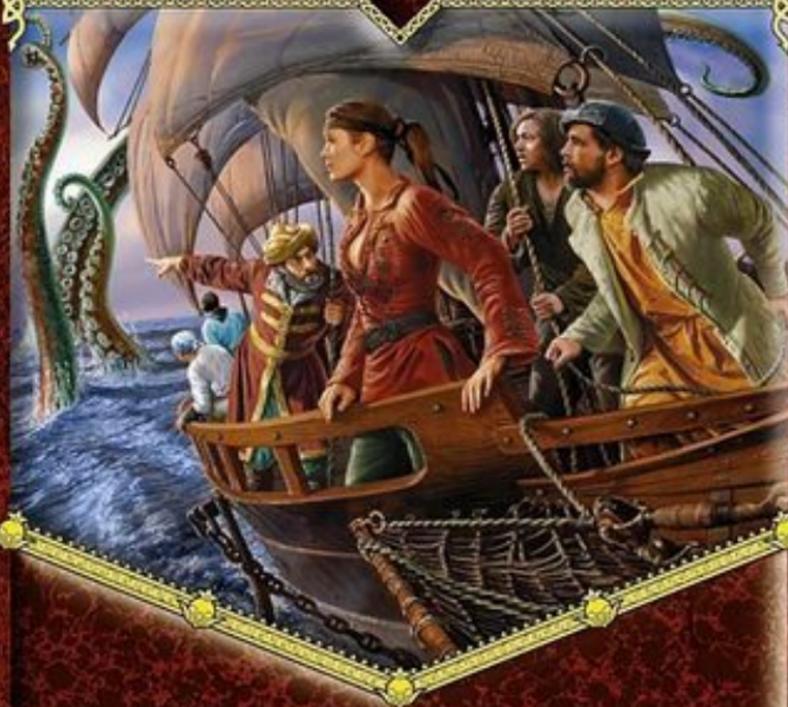

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ДЕМЧЕНКО

МИР В ПОДАРОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Оксана Б. Демченко
Мир в подарок
Серия «Мир Релата», книга 1

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=185202

Демченко О.Б. Мир в подарок: Фантастический роман: Издательство

АЛЬФА-КНИГА; М.; 2009

ISBN 978-5-9922-0446-9

Аннотация

Стоит быть осмотрительнее, высказывая несбыточные желания. Даже дома, наедине с собой и в плохом настроении. Потому что они могут исполниться. Правда, для этого придется тонуть в болоте, прыгать со скал, возвращать к жизни погибающих, забывая о себе. То есть вести себя совсем не так, как в прошлой тихой жизни. Только упорство и только труд, ведь иначе загаданные желания не сбудутся. Да и плату за их исполнение требуют по полной. Зато какой же вам замечательный дарят мир! Будут и настоящие друзья, и любовь, и признание, и смысл новой жизни... А если так, стоит ли быть осмотрительнее? Эх, была не была...

Оксана Демченко

Мир в подарок

Середина лета. Князь Риннарх Тарпен Карн

Первый луч солнца вызолотил флаг на мачте. Ветерок вздохнул, всколыхнул бордовое полотнище с геральдическим лебедем в орнаменте из серебрилиста, словно салютуя восходу, и угас, прокатив тонкую рябь по темной еще воде.

Ни одно облачко не омрачило розовое чело зари, уже улыбающейся миру из-за далеких, невидимых даже с верхушки мачты, хребтов Барьерного кряжа. Назвать его так могли только сухопутные – жители княжества Карн, числящие свои невысокие горы краем мира. Они и были краем, потому что океан принадлежал испокон века Архипелагу. А последние несколько поколений напряженного немирья корабли под материковыми флагами не решались выходить из дельты реки Карниссы.?!)

Тем невероятнее смотрелась на стремительно светлеющем зеркале вод, отполированном штилем, одинокая церемониальная галера берегового княжества. Убрав немногочисленные и бесполезные сейчас паруса, на веслах она ходко двигалась на восток, и с каждым гребком удалялась от безопасного берега.

Лебедь, случись ему лететь в высоком светлом небе над

галерой, несущей на невысокой мачте птицу золотой вышивки, мог бы различить по курсу, в туманной дали, лежащий в дрейфе четырехмачтовый барк. Корабль был синий, в строгой серебряной отделке, допустимой лишь для рода Кормчих острова Индуза. А значит, встреча, о которой не удавалось договориться вот уже семь лет, сегодня наконец состоится.

Впередсмотрящий, не обладавший зоркостью крылатого, увидел барк двумя часами позднее.

Риннарх Тарпен Карн, властитель княжества, протектор Амита и северного побережья Туннрэйз, управитель безводных степей от Тучегона до Безбрежного океана, покровитель Ирнасстэа, своей угрюмой мрачностью успешно восполнял отсутствие туч и бурь. Его хмурое настроение подавляло безмолвно замерших на палубе подданных. Кроме, пожалуй, второго капитана гвардии Карна – Ларха Крёйна, ничуть не опечаленного мрачным видом повелителя. Рыжий северянин под тяжелым взглядом князя лишь пожал плечами: всего не предусмотреть, зачем теперь зря нервничать.

Взор его светлости стал пасмурным вовсе не потому, что великолепная церемониальная галера на фоне барка цвета индиго казалась, мягко говоря, неуклюжей, старомодной и недостаточно представительной. Дело вовсе не в этом (никто и так не смеет оспорить искусство корабелов Архипелага), хуже было другое: Риннарх ни на миг не усомнился в ответе на вопрос, почему Лайл из рода повелителей Архипелага выбрал именно барк. Кормчий владеет огромным флотом су-

дов и лодок, в том числе парусно-гребных, как торговых, так и военных, и мог бы подобрать вариант куда более уместный в условиях полнейшего штиля, обычного в этих водах на изломе лета. Галеры, кстати, наверняка расположились там, за изгибом горизонта, – всего-то полдня неспешного пути.

Выбрав барк, Кормчий тем самым хотел еще раз подчеркнуть, что прикованных к веслам рабов на Архипелаге нет. Значит, стоило десять раз подумать и все же выбрать шхуну.

На синий барк Риннарх поднимался все еще в мрачном настроении, о чем свидетельствовала глубокая морщина раздражения меж бровей. Первый раунд уже проигран. Притом, что действительно серьезные проблемы не у Индуза, а у него, Карна.

Адмирал Лайл Бэнро ожидал гостя в великолепной каюте, без свиты, лишь в обществе своей обожаемой дочери Силье. И это давало некоторую надежду. Молодая женщина унаследовала бурный нрав от отца и безупречную красоту – от матери, уроженки Таира, самого южного из островов Архипелага. Столь взрывоопасная смесь позволяла ей демонстрировать в глубочайшем декольте восхитительный бронзовый рельеф. Светлые, хорошо заметные на загорелой коже шрамы метили ее руки и левую скулу. Их происхождение знающему человеку разъяснял кортик у пояса. Длинный, острый, боевой – не игрушка. Характерная отделка акульей кожей и золотом – знак старшинства гвардии Рыбья кость, застревавшей в горле у многих, желавших попробовать блюда с чужо-

го стола.

Угрюмая морщина на лбу повелителя Карна исчезла под взглядом огромных фиолетовых очей, одновременно сочувствующих и насмешливых. Тарпен знал, что во многом переговоры оказались возможны благодаря ей, единственной, кто решался и умел спорить с непререкаемым адмиралом по самым невозможным вопросам. В семье Кормчего трое сыновей, и место единственной девочки отец видел где угодно, только не на корабельном мостике. Однако в этом дипломатическом плавании корабль доверил ей, а не старшему сыну и официальному наследнику.

Кряжистый адмирал, сильно погрузневший к пятидесяти, был среднего роста, с буйными выцветшими кудрями, кустистыми полуседыми бровями и темной короткой бородкой клинышком – по последней островной моде. На его невозмутимом лице цвета мореного дуба, испещренном мелкими морщинками, колко поблескивали блекло-голубые глаза. И они следили за гостем без намека хоть на малейшую приязнь. Ноги его светлости, в ладно облегающих высоких сапогах, с полным презрением к этикету лежали на диване, где помещался в ворохе подушек и сам Кормчий. Одетый, как отметил Риннарх, по-домашнему, в темные кожаные штаны и отделанную дорогим кружевом сорочку.

Властитель Карна жестом отпустил капитана Крёйна и гвардейцев, прикрыл дверь. Князь Риннарх выглядел на десяток лет моложе Кормчего, и был выше на голову и су-

ше. Темноволосый и кареглазый, со слишком светлой кожей человека, привычного к помещению более, чем к открытому пространству. Выверенные движения, отсутствие всякой мимики на холодном лице – все подчеркивало привычку к непростой дворцовой жизни, полной двусмысленности и интриг. В длинных крепких пальцах гость сжимал горлышки пары бутылок.

Рассмотрев печати поверх пробок, глазастая Силье довольно хмыкнула и потянулась за бокалами. Её присутствие на переговорах князь предполагал, а потому про ее слабость к красным винам из Ирнасстэа вызнал специально. Все же лучшие, коллекционные, особенно из погребов замка Тэлия, на Архипелаге редкость, – довольно отметил про себя князь.

– А-а, приплыли выпить с моей девочкой? – поднял бровь адмирал, пальцем указывая на кресло возле своего дивана. – Похвальный вкус.

– Ваша дочь, полагаю, устала от комплиментов, но удержаться трудно. Она воистину унаследовала лучшее от родителей, а прочего добилась сама, – поклонился гость. – Но причина визита, увы, иная.

– Морской воздух, – бархатным низким голосом подсказала Рыбья кость.

– Мир. И надежда.

Риннарх тяжело вздохнул, опускаясь в предложенное кресло. Он знал, что получить желаемое может лишь чудом.

Но, увы, уже две сотни лет минуло с тех страшных времен, когда добрые чудеса в этом мире перевелись. Хотя о них просили богов ежедневно. С некоторых пор он подозревал, что скоро и просить станет слишком поздно.

Так бывает.

Уже который день пасмурно, и на улице, и на душе. Еще и снег зарядил – мокрый, серый, какой-то депрессивный... Так и хочется обобщить: жизнь не задалась.

С невеселыми мыслями я стащила сапоги и куртку, бросила в угол прихожей. Раздражение не улеглось, сумка плюхнулась на пол и обиженно звякнула. А я уже швырнула ключи, словно снег – их вина. Угодила в угол приоткрытого шкафа, промазав мимо столика. Н-да, пора бы успокоиться... вдох-выдох.

Я задумчиво изучила темный проем шкафа. Порыться и достать ключи? Не срочно, пусть там полежат. Что с того? Когда дела не клеятся, лучше не затевать новых. Даже мелких. Так что, пока-пока ключи. Я потащилась в комнату. Можно в большую – лупить глаза в телевизор. А можно в рабочую, разбудить «машинку» и глянуть еще раз на этикетки. Хорошо получились, может, взбодрюсь?

Не сейчас. Снег как раз в то окно лупит. Значит, телевизор... я качнулась к левой двери. На ней висело большое, почти до пола, узкое зеркало. При хорошем настроении оно помогает убедиться, что шубка мне вполне даже идет. И я ей – тоже... Так это в хорошем!

Остановившись перед блеклым в полумраке стеклом, я грустно усмехнулась: смотришь туда, за грань, и думаешь: уже давно тебе не восемнадцать, и самые светлые времена кончились. Тихо, пусто и уныло. Изменить что-то радикаль-

но в этой жизни уже не получится. А жаль...

Жизнь проходит мимо, а из зеркала наблюдает безучастно усталое лицо – а чего ты хотела? Ну нельзя так придирчиво выбирать друзей и привязанности, потому что тогда выбора-то особого и не остается. Точнее, уже не осталось. И, главное, никакой вины за собой я не чувствую. Эта пустота образовалась помимо меня, вопреки усилиям, и немалым. Просто над одними солнце светит, а над другими – нет. И второе, увы, я знаю это на богатом своем опыте, – про меня. Вот только не подумайте – я не сижу без денег и без работы, да и со знакомыми все как у большинства. Собаку что ли завести вдобавок к коту? Кстати, где этот хвостатый антидепрессант?

Ладно, пожалели себя и хватит. В целом, грех жаловаться. Дизайнер в наши дни не голодает, тем более в столице. Характер подходящий, угрюмой меня никто не назовет – разве немного отстраненной, не люблю эдакого панибратства с первого разговора. Есть такое дело – немного упряма, и, хотя могу долго терпеть и подстраиваться, доводить себя окружающим не рекомендую. Опять же, работаю я запойно.

В общем, как раз устроиться на работу для меня не проблема, а вот со вкусом организовать все вне этой всепоглощающей работы – ну никак. Заколдованный круг. Ненужные встречи, случайные люди, пустые надежды. И друзья настоящие, увы, в прошлом. Кто же знал, что самые дорогие могут уйти так несправедливо рано. И что пустоту, оставшую-

ся в душе, новые встречи и лица уже не заполняют, а только создадут ненужную суету, иллюзию общения.

С тех пор и не светит оно надо мной, теплое наше, пушистое, золотое. Ходит стороной, улыбается другим. И сама я стала улыбаться реже.

Да где же кот? Еще пару минут – и я расклеюсь... вдруг так захотелось, чтобы было все иначе, прямо сейчас, сию минуту! От острой потребности перевернуть размеренную жизнь меня буквально скрутила судорога. Я так долго организовывала эту сытую стабильность! А теперь готова, не моргнув глазом, променять ее на солнце над головой и друзей – настоящих, а не лишь бы провести вечер. Еще, пожалуй, любовь к тому единственному, которого в этом мире просто нет. А где-то все они обязательно есть, не может же не быть вовсе! Эта последняя мысль меня особенно зацепила, просто до слез. Я опять посмотрела в зеркало – точно, до слез. Фыркнула сердито – предвесенний плаксивый авитаминоз, да? В острой форме! Надо брать себя в руки и прекращать думать о глупостях.

В расплывшемся нерезком отражении что-то неуловимо изменилось, проплыл золотой, как мои мечты о солнце, проблеск. Я торопливо сморгнула. Ну вот, меньше надо в монитор пялиться. Глаза – это мое всё, а тут никак не фокусируются, аж жутко. Я невольно сделала шаг вперед и вплотную приблизила лицо к зеркалу. Продолжая усердно испуганно моргать, почти коснулась его рукой. Ну не на ощупь же мне

это золото опознавать, что за глупость.

Постепенно нечеткая дымка истаяла, уплыла куда-то вверх из поля зрения. Там, в зеркале, обнаружилась незнакомая девушка. В первый миг я раздраженно хмыкнула: она, зараза, типичная любимица солнышка. Лет семнадцати, хороша нечеловечески, лишь глаза мрачно-серые, словно накрытые тенью. Фигура лучами облита от макушки до стоп, и едва ли ей приходят в голову идиотские мысли о пасмурной судьбе, как ...

Как такое может вообще быть?!

Рука завершила жест, охотно повторенный неземной красоткой, и коснулась зеркала. Я вздрогнула, ощутив текучую ледяную влагу и прикосновение чужих пальцев. Один миг... и я уже падала, костенея от жути происходящего, невозможного и непонятного.

Сзади отчаянно, на истерической ноте, заорал Ероха.

«Как же мой кот не вышел меня встречать сразу, к порогу?» – запоздало удивилась я, вплетаясь в тошнотный водоворот, быстро погасивший и эту невнятную мысль.

Солнце погладило щеку и разбудило меня. Оно было удивительным, я такого с детства и не припомню. Яркое, теплое и очень ласковое. Предзакатное – смотреть уже не больно, и золото – высшей пробы. Свет дробился в тонкой пелене водопада-зеркала мириадами драгоценных текучих пологов и нитей, над водой выгибались танцующие радуги.

Я тряхнула головой и потихоньку села, проводя мысленную переключку: руки-ноги-голова...

Все на местах и очень даже бодрые. Ага...Только не мои...

Вздروгнув, пристальнее всмотрелась в вертикаль водопада – там, в зазеркалье, за нечеткой густеющей пеленой вечера с пола поднималась я. И смотрела на себя – золотую – с таким нехорошим, незнакомым прищуром злобного торжества!

Полно, этого выражения я на своем лице не могла даже представить. В следующее мгновение пришло осознание того, как же все нездорово. Неожиданно для себя я испуганно заорала, подзывая кота. Кто бы там ни улыбался моими губами, этого серого домоседа она кормить не станет точно. Почему-то судьба кота меня сейчас волновала сильнее, чем все прочее. Он же не выживет на улице, баловень!

Ероха метнулся к зеркалу смазанной тенью – и в тот же миг картинка пропала. Тень скалы погасила большую часть радуг. В меркнувшем зеркале водопада кое-как различалась перекошенная физиономия – бледная, моя-чужая, искаженная струистым отражением и еще более – страхом.

Несколько секунд я тупо изучала это лицо, постепенно обретающее спокойное выражение. Потом села поудобнее, вдох-выдох...

Что мы еще имеем? Чужое тело, молодое и сильное, – красивое, зараза. Одетое в лучших традициях фолк-стиля.

Длинная сорочка из сероватого льна, с рукавами чуть ниже локтя. Поверх нее – темно-бордовое платье без рукавов, изящно вышитое более светлой ниткой по груди. На ногах – мягкие сандалии. Я хмыкнула: спасибо, не лапти, с ними бы мне без инструкции не справиться.

Движемся далее... я глупо хихикнула, коса-девичья краса – ниже пояса, толще руки, легкомысленного бледно-золотистого цвета, с лентой в тон верхнему платью. Блондинкой я быть вроде никогда не собиралась... А чего я хотела-то?

Последним желанием, как сейчас помню, скорее даже жалобой на судьбу, в моем нормальном мире и теле было что-то слезливо-бабское на тему большой любви и настоящих друзей. Н-да, пожаловались, значит. Аккуратнее надо просить и скромнее, что ли? Впрочем, если бы все нелепые пожелания людей себе и окружающим, произнесенные или загаданные в плохом настроении, сбывались, – наш мир бы давно опустел. К тому же до сих пор никто не торопился исполнять мои капризы.

Вывод? Достаточно вспомнить злобное торжество на своем «бывшем» лице... Я передернула плечами. Не мое желание сбылось, а ее. Что могла натворить эта юная особа такого, чего все ее нерядовые внешние данные, а так же, возможно, магические способности, не смогли разрешить без экстремальных прыжков в мою скромную московскую прихожую?

Я поднялась на ноги, потопталась, оглядывая себя снова

со всех сторон в темнеющем хрустале водопада. На втором круге заметила аккуратный вертикальный ряд символов, нанесенных белым с обеих сторон от текучего зеркала, на обрамляющей его «раме» из двух каменных столбов.

Нарисовали их, похоже, только что – искрошенный осколок подобия мела лежал рядом, взгляд нащупал его сразу, едва возникли первые удивленные мысли о рисунке. Почему-то я тут же и бездоказательно уверовала, что узор имел отношение к моему попаданию в неизвестное место. Наверное, перечитала фэнтези...

От золотого сияния заката остались жалкие крохи. Небо стремительно смуглело, уже проклюнулись первые веснушки звезд. Идти куда-либо в темноте по камням глупо. К тому же я заметила чуть в стороне плащ, предусмотрительно расстеленный под нависающей скалой. Очевидно, это тот самый случай, когда утро вечера мудренее. Уже засыпая, я снова вспомнила про кота, Ероха обычно укладывался в ногах. Как он там? И, кстати, где он теперь?

Может, именно благодаря моим заботам, этот полосатый паршивец успешно пробрался в первый же сон и, крутясь под ногами, жалобно, ласково замурлыкал: «Соску-у-чил-ся». Впрочем, тут же умерил столь избыточное проявление внимания. Резко метнулся вперед с самым независимым видом, устремив вверх свой роскошный хвост. Что правда, то правда – таким и сама бы гордилась, будь я хвостатой. Хотя некоторые всех женщин считают немного хвостатыми, и,

в конце концов, я же иду по этому невозможному коридору, обрамленному теряющимися в дымке колоннами. Проверить, что ли, как там хвост? Иду, кстати, к тусклому зеркалу. Что, опять? Ну, знаете...

По крайней мере, второй раз вплотную не подойду и невежливо тыкать пальчиком не стану. Только гляну, что и как.

Еще несколько осторожных шагов, и по спине пробежал холодок нервного напряжения. Я поежилась, повела плечами. В серой матовой поверхности ничего не отразилось. Зато по позвоночнику снова скользнул снизу вверх уже вполне осязаемый знобкий вьюн, шепнув в ухо: «Три вопроса». Господи, только всемогущей рыбки характерного цвета мне не хватает! Впрочем, во сне я воспринимала происходящее как норму. Ладно, попробуем...

– От чего сбежала бывшая владелица этого тела?

– Как всегда в таких случаях, от судьбы, – усмехнулся холодок, льдистыми иглами покалывая шею. – Десять лет назад Мейджа задолжала свою жизнь тому, кто спас ее от участи многих одаренных – стать дровами в костре чужого дара. С первой встречи все эти годы она мечтала выйти за него. Еще бы, хорош собой, и к тому же сын князя, хоть и младший. Но вчера выяснилось, что ложь девушки лишила его выгод от этого брака, она давно не обладает и малой толикой дара, на который рассчитывал княжич. А без дара Мейджа ему не нужна, как бы ни старалась быть полезной. Вчера она

якобы разорвала брачное полотно, расторгнув тем помолвку. Свидетель – сестра нареченного, Катан-жи. Завтра Мейджа должна за это ответить. Плату определяет отвергнутый. Обычно подобное оскорбление карается смертью.

– Могу ли я вернуться, это ведь не мое тело и не мой мир...

– Ты сама выбрала путь и прошла его, у нее нет силы и дара. Сколько ни черти знаки – их не сделать мостиком меж мирами без позволения старших. Тебя слышали и тебе позволили. Значит, была готова к переменам. За них надо платить. Так что привыкай к новому облику, выпутывайся из чужих проблем. Будет нужно и придет время – может, вернешься. Если выживешь, сумеешь и захочешь. Ты же видья, снавь, одаренная, Говорящая с миром, – продолжил холодящий шепоток подбирать синонимы. – Мир этот тебе понравился с первого взгляда. Да и ты ему очень нужна.

– Как мне развить свои способности? – задала я последний, третий вопрос.

– Как всем видьям – во сне, здесь. – Шепоток почти угас, степлился, смысл уже с трудом различался. – Иди, выбирай свое место. Учись, пока утро не прогнало сон...

Зеркало мягко истаяло, оставив меня в зыбкой пустоте, клубящейся невнятными образами. Я двигалась сквозь них неуверенно, не чувствуя пола под ногами, невольно балансируя как канатаходец руками. Увы, я не могла сфокусировать

взгляд ни на чем, пока не заметила отчетливый блик, переливающийся неярким перламутром.

Стоило различить одну деталь, как вокруг нее стал проявляться целый мир. Рождались и крепи яркие и вмятные очертания, звуки, запахи, ощущения.

Сначала вылепился отчетливым и реальным крошечный островок в туманном окружении. Я с облегчением вступила в его границы, покидая призрачное ничто, нагнулась и подобрала раскрывшую створки речную ракушку. Она была, к моему восторгу, жива – у самой кромки одной из створок пристроился крохотный, как просяное зерно, жемчуг. Он завораживал взгляд своим лучащимся в темноте ночи удивительным и чистым светло-сиреневым цветом. Его я оставила себе, а ракушку вернула в проступившее у ног озерко. Вода тихонько дрогнула у пальцев, словно здороваясь, по поверхности двинулось почти незаметное круговое возмущение, раздвигая пределы мира. Проступил дальний берег, старые изогнутые ивы, галечник, влажный туман.

До утра было еще далеко, берег дышал покоем, наполнял ощущения ясностью, а сознание – удивительными озарениями восторженного понимания и приятия. Странный способ узнавать, минуя заучивание и тренировки, все – мгновенным наитием. Сколько зачерпнешь – твое. Озеру, лесу, легкому туману, льнувшему к теплой мелкой воде, пришедшей на водопой косуле, ночному мотыльку – всем им не жаль делиться со мной каждым прожитым мгновением. Мы вместе ткали

узор ночи. И я почему-то совсем не переживала о завтрашнем дне, который мог стать последним, по словам зеркала. Кто сказал бы вчера – не поверила б ни за что.

В своем мире я была до боли рациональна, и эта сухая и расчетливая отрешенность – теперь я вижу – просто убивала меня. Всегда настороже, всегда в ожидании своей очередной непростительной ошибки, в вечном сомнении. Я оценивала поступки и людей, присматривалась к мелочам, искала признаки перемен и угроз в каждом слове и событии. Переживала предательства и обманы, обижалась на ложь, сгибалась под бременем ответственности, принятой по собственной, кстати, инициативе. Я боялась нестабильности, копила деньги, не курила, следила за тем, что говорю, вела себя как разумный взрослый человек... И с самого детства ни одного мига не была так бесконечно, до кружения головы, наполнена тишиной и радостью, как теперь.

Как же, «солнце ей не светит»! Шторы раздвинь, а лучше шагни в мир без страха!

Зачем всю жизнь думать о завтрашнем дне, если прямо сейчас вокруг столько невероятного, удивительного, волшебного... Мир не стоило оценивать, им надо было дышать. А я не дышала, оказывается, уже лет двадцать. Да пусть будет что будет, я благодарна судьбе. Даже если остается один день, его солнце будет ярче всех, виденных за прошлую серую жизнь.

Я проснулась, все еще улыбаясь.

На душе было легко и светло, мир замер в тишине перед рассветом. Первым делом я аккуратно и тщательно стерла и смыла все руны с камней у водопада. Мало ли, как дело обернется, а знающему человеку они многое объяснят. Например, что я – не Мейджа, и что мир мой, возможно, доступен для случайных визитеров. Если вдуматься, то кому приятно оказаться неизвестно где за несколько часов до казни? К тому же у людей и в прежнем моем мире жизнь вполне налажена: семьи, дети, работа, дача, кредиты... Ляпнешь в сердцах: «Глаза б мои вас не видели», – и на тебе, пожалуйста, билет в один конец. Мое одиночество в прежней жизни давало возможность не спешить с мыслями о возвращении. Ностальгия? Пока нет. Может, позже, когда исчезнет ощущение чудесного отпуска, в котором я не была не помню сколько лет. Этот мир щедр на подарки. Раньше у меня было пять слабеньких человеческих чувств. Здесь все изменилось, и обретенное богатство красок пьянило и кружило голову.

И еще. Здесь я не могла страдать от одиночества, накрепко вплетенная своими новыми ощущениями в канву жизни.

Закончив с уничтожением улик, я обратила все свое внимание на зарождающееся утро. Теплое, едва достигшее макушки лета, но еще не склонившееся к урожайной, тронутой увяданием осени. Листва не пропитана пылью, не иссушена солнцем. Травы еще не созрели, напоивая влажный предрассветный воздух пряным дурманом. Впрочем, время акварельного пестроцветья уже миновало, уступив черед более

зрелому изяществу соцветий с преобладанием тонов золота.

Мир замер в ожидании прихода солнца – дарующего жизнь, несущего свет, читающего в сердцах. Быстро поднявшись на ноги, я полетела по тропке мимо знакомого зеркального водопадика – вверх, за поворот, огибая уступы узкого скального коридора и не чувствуя ног. Мир звал и шептал, что в нескольких десятках метров тропа закончится обрывом, открывающимся на восток.

Я вылетела на уступ стрелой, едва успев остановиться у кромки скалы. Гладкой, словно срезанной одним точным ударом секиры местного бога, решившего так доказать миру свою удаль. Каменный срез был чист, он являл миру узор многочисленных слоев-жил, напоминая первозданное время, когда замершие теперь каменные монолиты ворочались, живые и горячие, толкали друг друга, выбирая место, чтобы заснуть, остывая и успокаиваясь.

Под ногами, в необозримой глубине, клубились темные облака. Они принадлежали ночи, впитав ее мрак, сны, тайные страхи и удивительные откровения. День рассеет их, развеяв страхи и сокрыв от неразумных опасные секреты безграничного могущества.

Я подняла руки, повинуюсь беззвучному пока зову, и повернула ладони к рассвету.

Пора.

Оно явилось, повторяя каждодневную и предрешенную битву с сумраком, от вылазки первого отчаянного луча-раз-

ведчика до сияющей победной волны, сгоняющей остатки ночи все ниже, в самые тайные убежища тьмы.

Я переживала его битву впервые, воспринимая ее, как видя. Я была птицей в небе, увидевшей солнце прежде восхода, камнем на вершине, до которого дотянулся первый луч, каплей росы на этом камне, вспыхнувшей сигнальным маяком; просыпающимся одуванчиком, спешащим в логово с удачной охоты ночным зверем, нахохлившимся в скальном гнезде рыжеглазым филином. И, конечно, человеком, родившимся в этом мире с рассветом. Теперь я не смогу назвать себя чужой здесь.

Солнце осветило меня и вписало в книгу жизни, вычеркнув оттуда имя Мейджи, покинувшей мир. Солнце не обманешь чужим лицом.

А людей – сколько угодно.

Я осталась у кромки скал надолго. Солнце раскалилось добела, высушив росу и нагрев камни. В мир людей меня вернули двое хмурых подростков, вооруженных весьма посредственными, даже на мой дилетантский взгляд, короткими мечами. Мятые рубахи, старые засаленные штаны, вытянутые на коленях. Идут вразвалку, устало приволакивая ноги. Впрочем, заметив меня, они оживились и приосанились. Понятно, на тупиковую тропку послали самых бесполезных, а искали сбежавшую горе-невесту, наверное, с вечера. Повезло дуракам отличиться, ничего не скажешь.

Мой вид почему-то потряс их до глубины души. Красота сразила? Впечатлительные юноши...

Ладно, послушаем их версию.

– Значит, ты и впрямь не видья огня, – обличительно ткнув мечом в мою сторону, начал с некоторым надрывом рослый конопатый заводила. – Сидишь тут без полога. Всю жизнь врала, бесстыжая, наш род как есть опозорила! Ну ничего, теперь за все ответишь по правде.

– Огня? Чудные вы, ей богу... до смешного узкая специализация, – пробормотала я вполголоса. – С чем пожаловали?

Видимо, это было слишком. От моей наглости ребята ошалели, утратили стиль нотации и сообщили немало подробностей – от адреса пребывания местной нечистой силы до своего частного мнения о моих внешности, совести и интеллекте. В конце они присовокупили требование идти с ними, «и без глупостей». Язык я воспринимала как родной, но вот непередаваемую игру слов, как говорили в одном известном фильме, выслушала с огромным интересом. Все было очень доходчиво, но повторить я бы не решилась. Аж завидно...

Н-да, то ли еще будет, но идти с ними надо, – долг Мейджи повис на мне, и оставлять его неоплаченным я не собиралась.

Конечно, самая недоученная видья-однодневка легко отведет обоим глаза и будет такова. Но прибегнуть в новом мире к роли вечного дезертира – ниже моего достоинства. По-

смотрим, чем все закончится «по правде». К тому же, вопреки моему прежнему гипер-осторожному характеру, внутри кипела веселая злость, требовавшая выхода. Почти как вчерашнее депрессивное отчаяние... но куда забавнее. Швыряясь ключами, этой злости не унять. Нужно нечто посильнее, хотя бы в виде хорошего скандала. Желательно с большим количеством участников. Может, моя злость и замешана на страхе, но точно без примеси пораженчества.

Пить я вроде не пила, но рассвет подействовал круче спиртного, и меня захлестнула волна вседозволяющего нахального азарта. В общем, долой серые будни, не зажигайте костер без меня! А кого спалить, мы еще посмотрим.

Плащ я бесцеремонно бросила одному из «воинов», озадачив второго требованием показать дорогу. Бедняга сильно задумался и посмотрел на меня с некоторым даже состраданием: тронулась девица со страху за ночь.

– Куда идем-то? – окончательно призналась я в своей досадной неосведомленности.

– На площадь Совета, куда ж еще, – буркнул тот, которому пришлось тащить плащ. И добавил уже почти нормальным тоном: – Мейджа, ты хоть понимаешь, что Совет тебя не станет защищать? После всех твоих вызывающих глупостей, после обмана. Без твоего дара, без родни ты никому не интересна, а слово княжича – закон. Подарят Радужному змею, и все дела...

– Кому?

– Да хватит придуриваться, – зло огрызнулся идущий впереди, – водопаду, конечно. Думаешь, Катан-го добренький и решит иначе? Он уже все объявил, на рассвете. Не вздумай бежать, на нижних тропах храмовые стражи в засадах. По мне, лучше в пропасть, чем на позор и поругание.

Все замолчали.

Я тихонько усмехнулась. Для Мейджи – человека без дара – водопад означал страшную смерть без единого шанса на спасение. Я приняла известие о предстоящей встрече с Радужным восторженно. Видю водопад не убьет, но приняв, обогатит не меньше, чем восход солнца. Вода так же первозданна, как огонь, и познать то и другое в один день – великое чудо, редкий дар богов, переданный через глупых людей. Жестоких – отдать за одну провинность девчонку дикому потоку, роняющему бешеную пену, рычащему и мечущемуся в скальных теснинах! В какой-то мере я начинаю понимать ее побег. И в полной – радость от его успеха.

Ладно, мир не идеален, но в этом мире я кое-что могу. Вернее, смогу, когда разберусь в его законах и своих талантах. Пока же оставлю зарубочку на память: не нравится мне поселение, отдающее почти ребенка на смерть так безропотно и даже охотно. И княжичи кровожадные мне не по душе.

Тропинка пыльным плющом вилась у скального бока, изредка пуская в стороны побег-ответвления, теряющиеся в каменном крошечке осыпей. Без конвоиров, то есть провожа-

тых, мне бы вовек и не выбратся к людям. За очередным поворотом воздух разом увлажнился и пропитался отчетливыми отзвуками дальнего водопада. Стало прохладнее, свежее. Еще несколько шагов – и нам открылась уютная зеленая долинка с парой десятков веселых пряничных домиков в самой середине. Селение свободно расположилось в обрамлении невысоких фруктовых деревьев.

За домами зелень редела, придавленная плитами, – скромным вкладом цивилизации в горный пейзаж. Мраморные ромбики мягко поблескивали, как чешуйки на загривке крупного дракона. Долинка выглядела аккурат его спиной, с широко распахнутыми крыльями уходящих ввысь горных круч по сторонам и деревенькой, нагло уютившейся на самом позвоночнике. Голова каменного ящера спряталась в расщелине меж двух скальных гряд. Наверное, это и есть дорога к водопаду, и она здесь почитаема. Значит, группа людей на «загривке» – пресловутый Совет. Мнутся, бедолаги, с самого утра, княжеских детишек развлекают до моего прибытия. Выходит, у них тут монархия?

Посмотрим, когда присоединимся к потехе, я же сегодня главное блюдо в драконьем, то есть змеином, меню. Такая честь, такая ответственность.

Кстати, нас заметили, встрепенулись, стали торопливо ровнять ряды. Конвоиры мои приободрились, подтянулись и торопливо заскакали по камням, ссыпаясь с драконьего «хвоста» в долинку. Мы спустились быстро, сопровождае-

мые ручейками каменного крошева. И вступили в настороженно примолкшее селение. Я прислушалась к растревоженному, как гудящий рой, вихрю чувств и намерений. За плотно задернутыми шторами в каждом домике металась тревога, тоска, страх, унижение, даже гнев. Но никто не вышел. Может, они и неплохие люди, но против князя идти – себя заживо хоронить...

Вот и заперли двери изнутри, совесть свою сдерживают, сидят по домам. Уютным, зажиточным, утопающим в цветах, окруженным курчавыми садиками, с игрушечными заборчиками по колено. Очень мирный и благостный вид. Мой утренний пьяный задор постепенно выветрился за дорогу, ему на смену пришла брезгливая жалость. Какой грустный сюжет! Видьи – свободные, могучие, живущие в сказочной долине безупречно красивого мира. О такой судьбе, кажется, только и можно мечтать. На деле же они – покорные слуги, если не рабы, некоего князя, заранее мне несимпатичного. Изнанка получается мерзкая, а фасад полон тихим деревенским очарованием. Я так увлеклась видами, что не заметила, как домики кончились, и потому Совет предстал передо мной совершенно неожиданно. Я даже споткнулась, и было от чего.

Семь фигур, надежно упакованных в широкие плотные серые плащи до пола, увенчанных... мексиканскими сомбреро с комично огромными полями, да еще дивного бордового цвета. Совет живо напоминал группу балаганных

клоунов, обрядившихся для детского праздника в нелепые старые костюмы грибов подосиновиков. Их дар я ощутила, еще когда шла через селение. Теперь, вблизи, он мне очень не понравился. Все семеро моему обретенному недавно второму зрению казались клетками, удерживающими рвущийся на волю огонь. Пламя каждого стремилось соединиться с миром и расцвести под полуденным солнцем. Но не могло вырваться из тесного кокона, замкнутое в темницу по воле хозяина. Вот как... значит, они это непотребство и называют – видья огня. Больше я к себе этого слова – видья – не применю. Противно.

Я, новорожденная сnavь, радовалась обретенному с расцветом удивительному говорящему миру, дышала им, принадлежала ему. Я дышала красотой его яви и впитывала тайны, укрытые ночным пологом нави. А они, рожденные здесь, расхватили себе по кусочку и ВЛАДЕЛИ. Неужели они проживали ночью такие же сны? Разве ХОЗЯЕВА могут понять шепот листьев, тонкий вздох проклюнувшейся почки, скрип рвущей дерн травы, дыхание озера? Нет, их сны другие, без сомнения.

И еще: они не видели моего дара. Смотрели все пустыми глазами одинакового цвета спелого каштана, с затаившимися в глубине зрачков сполохами плененного огня. Жалкое и страшное зрелище.

– Даже голову не прикрыла, – презрительно усмехнулся

стоящий чуть впереди «подосиновик», выделяющийся среди прочих шикарнейшей золотой отделкой плаща. – Раньше ты успешно маскировала свою полную бездарность. Как мы проглядели... такой позор для рода!

– Загар необходим для здоровья, – я решила поделиться с ними общеизвестным медицинским фактом, – без него человек испытывает проблемы с полноценным усвоением веществ. А это страшно опасно: сначала испорченный цвет кожи, затем депрессия, общая вялость, расшатанные нервы, больные зубы, хрупкие кости. Практически, ваш случай – физическое истощение к сорока годам. Так и помереть недолго!

– Ты умрешь по другой причине, – уверенно сообщил мне энергичный голос из-за спины, – обещаю!

Обернувшись, я уставилась на вновь прибывших, все трое были достойным пополнением нашего шутовского балагана, чем я их сразу и обрадовала. Не вдохновились. Даже обиделись, кажется. Впрочем, мне того и надо. Чем злее – тем невнимательнее.

В центре композиции размещался, безусловно, сам господин Катан-го. Рослый и гибкий мужчина с неподражаемой внешностью Казановы в лучшие годы легендарного сердцеда. Уже не юноша, смотрит без наивного энтузиазма и пылкости. Но взгляд не угас, и в грации нет намека на тяжеловесность. Опасный, хищный зверь, и глядит на меня, как надох-

люю овцу, уже не представляющую даже гастрономического интереса. Любопытно: Мейджа любила его? Такие глянцевые герои действуют на девиц смертельно. Почти классическое лицо с правильными чертами и волевым подбородком, высокие брови с гордым изломом, волнующе-грустные собачьи глаза сизо-черного цвета затенены длинейшими ресницами, густоте и блеску вороненых кудрей позавидует любая красотка, шея и грудь, открытые широко вырезом свободной шелковой туники атлетичны, тронутая легким загаром кожа безупречна. По правую руку от «Казановы» разместились его копии – в женском варианте. Кстати, упакованная по образцу местного Совета, но не в пример изящнее и дороже. И наполненная тем же порабощенным огнем, поистине огромным в сравнении с кострами Совета. Видья, сестра-близнец. Слева и чуть сзади, за плечом господина, незыблемой скалой высился гориллоподобный монстр, увешанный оружием с ног до головы. Эх у него все железяки – напоказ.

– Здравствуй, любимый, – я скромно потупилась, затрепетала ресницами и виновато улыбнулась Катан-го, – соскучился? Весь день один, без милой невестушки, измаялся небось. Ты думал обо мне? Прибежал, запыхался... спешил увидеть! Я тоже так ждала нашей встречи, родной... Сейчас переоденусь только, минуточку.

– Никак, она пьяна, – холодно удивилась сестра Ка-

тан-го. – Для храбрости приняла. Ну, не будем терять времени, воля брата вам известна. Маленькая дрянь отправится на корм Змею. И без церемоний, нам пора ехать.

– И ты мне не подашь руки? – грустно спросила я жениха, звереющего на глазах. – Не будь букой, это же наша с тобой последняя прогулка вдвоем, родной. Пойдем, я так много хотела тебе сказать... Ты выслушаешь и все поймешь. Нам надо быть вместе, любовь моя! Хотя бы прощальный поцелуй...

Он взревел раненным зверем и развернулся на пятках, коротко приказав своему массивному и исполнительному провожатому проследить за церемонией казни. Я обреченно развела руками и тоже повернулась к Катан-го спиной. Со стороны Совета меня продолжали буравить семь пар глаз. Стоящая впереди дама царственным жестом отрядила двоих, самых «блеклых», советников мне в провожатые. Число свидетелей снова сократилось, просто замечательно! Жаль, только, местный культ я не смогу изучить. Спросишь хоть что-то, – и прощай благообразная и безопасная кончина Мейджи.

Путь к водопаду мы проделали вчетвером, отловившие меня парни остались отчитываться перед Советом. Сброс тела в Радужный прошел быстро, в обстановке деловой и не слишком торжественной. Скала, ставшая местом казни, нависала над водопадом, как нос корабля, вознесшегося на гре-

бень девятого вала. Время от времени ее окатывало белой пеной.

Упираться и изображать шок, столбняк и причитания мне оказалось совсем не трудно, но полюбоваться красотами то-ропливые мерзавцы не дали, – как и собраться с духом. Подтащили к краю и неласково пихнули в спину.

Ма-ма-а...

Грохот потока перекрывал все звуки. Под ногами распахнулась ревущая пучина. Бесславный конец Мейджи для свидетелей был зрелищем нескольких секунд. Тело скрылось в висящем над потоком сплошном облачном мареве брызг, где играли бессчетные радуги, оправдывая название этого природного чуда.

Я мгновенно намокла, оглохла, ослепла и потеряла ощущение верха и низа. Падать в никуда, не ведая, далеко ли дно, осязая – иногда слишком отчетливо – вокруг каменные уступы и острые кромки скал, было мучительно жутко. Дышать в плотном влажном облаке оказалось невозможно. Досчитав до двадцати, нахлебавшись досыта воды пополам с кровью из прокушенной губы, я наконец решила, что всплеск моих сил здесь они уже не заметят. Если они вообще способны что-либо видеть. Видьи, как же! Скорее, слепьи, глухьи – и злыдни – для полного комплекта. Я раскинула руки, крепче вплетая сознание в мир, и влилась в поток, растворяясь, становясь его частью. Страх отступил, ослепление и боль ушли.

И все изменилось.

Я ощутила Змея, сперва вокруг себя, потом внутри, затем мы полетели единым движением, и я осознала его стремление целиком...

...От самого хвоста, выползающего из узкого ледникового ущелья меж льдисто-белых, изрезанных лиловыми морщинами, горных пиков, где небо даже днем густо-фиолетовое, а ночные звезды кажутся огромными, колюче-яркими и такими близкими, только руку протяни.

...Через причудливые извивы могучего потока, век за веком точащего скалы и обнимающего выглаженные до стеклянного блеска валуны.

...Сквозь пещерный мрак неведомых смертным ледяных и каменных тоннелей...

...И до головы, ныряющей в бездонное озеро у подножия горной гряды.

Он пел и хохотал, радуясь освобождению из плена горных теснин. Он ворочался, извивался, петлял, подставлял свою драгоценную чешую солнцу и струился, впитывая тепло, свет, воздух. Он стремился к реке, где мечтал обрести долгожданную встречу с родичами. А потом, влившись в бесконечный караван, совершить совместный путь к морю, напоивая иссушенную землю степей, даруя ей плодородие. Он готовился взлететь над океаном переменчивым облаком и снова смотреть на мир сверху, любуясь его красотой.

Вечный, великий, яростный.

Себя я собрала очень нескоро и с большим трудом, рывками отвоевывая право быть всего лишь крошечной и ничтожной смертной на кромке подгорного обиталища Змея. И живой.

Постепенно осознала, что лежу на прибрежном каменном крошewe. Вечерело, солнце пряталось где-то далеко за скалами, из низин уже сочился тонкими струйками кисельный, вязко-холодный туман.

Очень колко и больно, бок затек. Ползти извиваясь, – глупо.

Почему? Потому что я человек, у меня две ноги, две руки и никаких родственников в океане.

Холодно.

Одежда сильно порвана, сандалии, естественно, куда-то пропали, как и лента из волос.

Ну вот, это уже я, правда, потрепанная. Вывод один: надо быть осмотрительнее. Два таких удара по психике – первый восход и Радужный – для одного дня многовато. Налицо типичный похмельный синдром. Голова гудит растревоженным ульем, мир качается и смазывается. Кстати, как там лицо?

Стеная несколько демонстративно, в основном чтобы услышать свой голос, я приняла почти вертикальное положение и побрела к воде. Каких-то три шага, но меня качало, споткнулась я раз пять, потом ноги подкосились, и тело охотно сгорбилось в сидячее положение. Руки погрузились

в мелкую воду и провалились в илистый песок. Глянула в темнеющую гладь озера – да-а-а, похмельем дело не ограничилось.

В водопад упала Мейджа. А возле озера сидела... Как-то надо назвать ту, что сидела у воды с поцарапанной и перепачканной физиономией.

Волосы, едва покрывающие плечи, вымокли, приняв темно-коньячный цвет. Компромисс между моим привычным шоколадным тоном и бледным золотом косы Мейджи? Спасибо, блондинкой я действительно быть не мечтала. Кругловатое лицо осунулось, повзрослело и вытянулось. Брови и ресницы стали угольно-черными. Отдельно я признательна Змею за глаза, очень крупные и выразительные. Вчерашние, блеклые, цвета пыльной золы, сменились глубокими, со сложным слоистым узором оттенков, темно-малахитовыми.

От мыслей о произошедших переменах меня оторвали грубо и неожиданно.

Под лопаткой родилась тупая боль, сменившаяся онемением и вспышкой яростного колющего ужаса.словно впи-лась стрела, от которой куда-то вдаль тянулась нить, скручивая тело приступами жгучего страдания, когда ее натягивали слишком сильно. Там, на другом конце нити, умирал человек. Ему могла помочь славь, и он звал ее. Он умел звать. Не знаю, ощущал он мое присутствие или звал постоянно. Но скоро выясню.

То и дело всхлипывая и падая, когда тело сминала очеред-

ная волна чужой боли, я рывками пробиралась на зов, время от времени отклоняясь чуть в сторону от линии движения, останавливаясь и почти рефлекторно выдирая подходящие случаю травы, коренья, побеги. Знание о них пришло прошлой ночью у «моего» озера в сонном мире.

Стемнело, ночь упала безлунная, беззвездная, глухая. Она наливалась густым чернильным сумраком без просветов и полутонов. Звуки гасли где-то за гранью восприятия.

Туман затопил мир блеклой мутию отчаяния, и мне стало очевидно, что продираться сквозь его клубящиеся когтистые ключья невыносимо трудно. Если бы не зов, я давно бы рухнула в изнеможении, не разбирая места.

Болото.

Под ногами все более звучно хлюпало, иногда я проваливалась в мерзкую пузырящуюся грязь почти по пояс. Тогда запах тяжелого, гнилого разложения и смерти накрывал с головой, цепенил, лишая последних сил, не давая вздохнуть, чтобы набрать живительного воздуха.

По позвоночнику поднимался холодной волной застарелый ужас – в этих топях некогда убивали и умирали. Очень многие. Одни – в бою, с оружием в руках, и после боя, когда их без жалости, нарочно медленно и мучительно, добивали победители. Другие – еще более страшно, приносимые в злую жертву неведомым демонам. И еще: тут, под толщей мертвой травы, сгнивших стволов, ворочалась черная злая сила, пробужденная этим ритуалом и терзаемая голодом до

сих пор. Она по-прежнему жаждала крови и тянула ко мне цепкие лапы тумана, сковывая движения, высасывая силы.

А там, впереди, умирал человек.

Зов становился все сильнее по мере приближения. Времени оставалось удручающе мало, и я продолжала рваться, брести, ползти, плача от неспособности двигаться быстрее и от боли, сводящей перетруженные мышцы. Наконец, выбравшись из очередного омута, я приостановилась, почти повиснув на корявом низкорослом стволике чахлого деревца. Дышать было мучительно больно, я раскрытым ртом ловила воздух и кашляла, даваясь ржаво-маслянистым, ватно-удушливым туманом. Меня вырвало жгучей желчью, и некоторое время пришлось пережить, сбившись в дрожащий комок у корней того же деревца.

Потом стало чуть легче, я подняла голову.

Туман постепенно таял, отползал к горным подножьям, неохотно подбирая одно щупальце за другим. Не живой, но вполне убийственный, даже сознательно убийственный. Я готова была поклясться, что несколько минут назад он охотился на меня и почти преуспел. Впрочем, почти – это не худший вариант. Тем более второй раз за этот бесконечный день. Я поднялась на ноги и довольно уверенно побрела вперед. Туда, где угадывался темный силуэт убогого строения.

В единственном оконце слабо трепетали отблески почти угасших углей. Там недавно горел очаг. Зов больше не причинял боли.

В руке я по-прежнему сжимала надерганные по дороге травы, вымокшие и грязные до непотребного состояния. Ну, других нет. Да и не травы тут нужны. Просто пока что-то есть в руках, я не чувствовала себя окончательно бесполезной.

До лачужки оставалось несколько шагов, когда я наконец заметила его.

Старик лежал, уместив голову на низенький порог, и смотрел остывающим взглядом сквозь меня на болото. Он звал до последнего. Рядом с правой рукой в землю ткнулся тонкий стилет, залитый кровью. «Сам вскрыл вены», – обожгло меня. И совсем чудовищное: я была уверена, он действовал абсолютно осознанно. Нет, не пытаюсь убить себя, но использовал последний страшный путь, чтобы спасти меня. Он знал про туман гораздо больше моего и выбрал единственный способ заставить пойманную закатом в ловушку снавь прорваться через эту мутную стену смерти.

Что за жуткое место! Захотелось выть. Я тихонечко уже поскуливала от дикой несправедливости, достойной покинутого продажного мира, а вовсе не этого, волшебного и светлого, в котором живет Радужный змей. Катан-го с сеструхой здоровее здорового, благостная деревушка трусов мирно спит, а единственный настоящий хороший человек, встреченный мною здесь, коченеет в темной луже собственной крови.

Я упала на колени перед ним, коснулась замершей вены на шее. Жив?! Как раз на грани, уже почти ушел. Эх, длились

бы ночи вдвое дольше, – я бы просидела у своего озера вчера достаточно и научилась чему-то стоящему. А так... ну что я могла узнать за один вчерашний короткий сон? Ничего умнее третьей за день смерти давайте вообще уберем предложение не получится. Главное, не успеть испугаться, там и до самокопания с сомнениями недалеко. А времени нет, совсем нет. Я торопливо прижала ладонь к его распоротому запястью и закрыла рану. В глазах потемнело. Пришлось, глупо моргая, ждать, пока в мир вернется хоть толика света.

Вот и ладно.

Ночь за спиной злобно расхохоталась голосом знакомого филина. Рано радуется. Я потащила старика в лачугу, подхватив под руки, отстраненно удивляясь своей способности перемещать тяжелое тело. Уложила в единственной крохотной комнатке у погасшего очага. Дрова, тонкие, узловатые стволики, совсем сухие, были загодя приготовлены в углу. Я сложила домиком несколько и зажгла, уверенно тронув пальцами нижний. Посмотрела недоуменно на руку – надо же, само так получилось. Удачно.

Потом вздохнула порывисто. Стало жутко до оцепенения: тянуть дальше нельзя, или получится, или зря он меня ждал и напрасно собой пожертвовал. Чего стоит ведающая тайное «могучая» снать, если она не в состоянии помочь даже одному хорошему человеку?

Я легла рядом, сжимая его запястья, и прикрыла глаза. Щеки были мокрые, нос хлюпал, плечи дрожали от устало-

сти. Одно слово, героиня... Дальше надо было, так мне казалось правильным, уйти в состояние, похожее на сон. Получилось сразу, возможно, просто потеряла сознание от усталости.

Помню, что звала его и куда-то спускалась по стертým ступеням, заполированным до ледяной гладкости бесчисленными путниками здесь до меня. Становилось все темнее и холоднее, шаги не порождали ни единого звука. Мои способности ощущать мир слабели, я едва понимала, что такое запахи, потом перестала ощущать ногами пол. Помню его спину, мелькнувшую впереди, на фоне слабого встречного света, который проявлялся по мере спуска. И удивленно взлетевшие кустистые брови, когда он обернулся. А потом мне стало легко и очень спокойно, мир разбился и рухнул неведомыми осколками хрусталя, оставляя растерянное сознание дрейфовать вверх в какой-то окончательной пустоте.

– Ни разу за свою жизнь, а уж я-то пожил и повидал, – ворчливо бормотал глухой голос над ухом, постепенно становясь более внятнým, – не встречал такой везучей дуры! Прямо не знаю, какое слово тут ключевое: везучая или дурная... сразу и не скажешь. Ничего не знает – это понятно, ничего не умеет – сразу видно. Но лезет же, лезет как всамделишная... Если б знала и умела, не вывернулась бы, точно. Получается правду говорят: дуракам только и везет. Боги им, болезным, сочувствуют. Выводы напрашиваются...

Значит, и мне, старому, умом гордиться не приходится, раз я все еще здесь. Хотя... быть живым дураком лучше, чем мертвым умником, это точно.

Мою голову бережно приподняли, дольше изображать бревно было бессмысленно. Я приоткрыла глаза и попыталась рассмотреть ворчуна. Увидела у самого носа только большую, во весь мир, глиняную плошку, слегка курящуюся травяным паром. Глотать оказалось трудно, но мнением моим никто не поинтересовался. Сначала я ощутила оживающим сознанием теплоту жидкости, потом, увы, и ее вкус. Он оказался невообразимым. Очень давно меня пытались лечить отваром солодки с примесью еще нескольких компонентов. Уникально приторный букет, мерзостный до мычания, и сильно уступающий предложенному теперь. Но это что, настоящее горе – послевкусие. Долгое, стойкое и незабываемое. Тогда удалось отплеваться, сейчас фокус не прошел.

Мерзкое пойло сделало свое дело, все мысли о самочувствии необратимо улетучились. Пару минут спустя я уже сидела, поддерживая себя дрожащими руками, мотая головой и талантливо изображая хомяка по осени: полон рот настоя, щеки до ушей. Ну и не выплюнешь же в доме на пол! Пришлось терпеть и сцеживать в организм по чайной ложке. Фу-у-у! До чего же сладкая жизнь, приторная, на полчаса, не меньше...

В комнатке, которую я вчера не успела рассмотреть, было чисто, светло и неожиданно уютно. Лачуга оказалась вполне добротной избушкой, собранной из неохватных бревен(!), похоже, дубовых, глубоко вросшей в болотистый грунт. Пол наборный, доски ровные, одна к одной, шириной почти по полметра, длиной во всю комнату, чистый и выскобленный до глянца, светло-золотой. Сосна? Ага, дедушка взял и перенес сюда в собранном виде сруб из неведомой лесистой дали. Потому что на болоте такие деревья не растут!

Очаг, пучки пахучих трав под сводом крыши, нехитрая посуда на плоской крышке добротного окованного медью сундука. Где же этот ворчливый покойник? Быстро он приобщился к миру живых, двужильный просто! Я вот, например, полежала бы еще денек-другой тихонечко. А он уже трав наварил и лечит меня, гостью незваную. Прямо никуда не годится, так сказать, битый небитого... Пришлось пересилить себя и потихоньку ползти к порогу. Встать я даже не помышляла. Хороша спасительница, слов нет. Еще сейчас кормить с ложки возьмется или дров принесет. Высокий порог я миновала не сразу и пристроилась отдохнуть у стены, дрожащая, взмокшая от слабости. Кстати, меня, беспмятную, вымыли и переодели в короткие широкие полотняные штаны и такую же безразмерную рубаху. Все серое, застиранное, но прочное и очень приятное телу.

Над болотом клубился утренний туман. Тот самый, что я видела вчера на рассвете сверху, с горной кручи. Оттуда

он казался темным и загадочным, хранящим роковые тайны подземелья, а снизу смотрелся совсем иначе, вполне уютно и даже романтично. Солнце уже заступило на дежурство, но брело дозором где-то над облаками, с трудом обозначая себя в слоистой пелене блеклой серебряной монеткой, и уж никак до нас прямыми лучами не дотягивалось. Ничего, распогодит.

А мне хватило и этого. Настроение сразу восстановилось до умиротворенно-радостного. Болото, в конце концов, не хуже гор. Зеленое, пушистое, моховое. Затеяливые формы тонких узловатых стволов и валуны в разноцветном нарядном лишайнике, живописно устроившиеся в поле зрения, навевали мысли о японском садике. Стрекозы деловито проверяли бочаги, взвихривая почти истаявший нижний слой тумана. Поверить в то, что несколько часов назад топь едва не подзакусила мною, а тут, в двух шагах, лежал человек, жертвующий собой, чтобы спасти меня, было невозможно. Правда, темное пятно впитавшейся уже крови я сразу нашла взглядом. Значит, не привиделось.

– Ты что тут делаешь, бестолковая? – возмутился хозяин избушки, беззвучно выныривая из-за ее угла. – Лежать тебе полагается пластом, между прочим!

И никакой он не старик, кстати. Стала разглядывать. Под пятьдесят – точно, но крепок телом, статен и легок в движениях. Рост чуть выше среднего, не атлет, но весь плавный, текучий. Опасный боец, наверное. Вон, притащил пару бадеек воды, и не шелохнется она, даже кругов по поверхности нет, хотя шел быстро, а из-за угла вывернулся одним махом. Ставить не торопится, да и дышит легко. Волос странный, пепельный со светлыми прядями, то ли седыми, то ли вылинявшими под солнцем – не поймешь. Бороды и усов нет, загар многолетний, морщинки некрупные, кожа светлее во впадинках. Кажется, будто он только что смеялся, вот лучики у глаз и остались. Сами глаза удивительные – чистые, глубокие, почти черные омутищи с невероятными серебряными стрелками-нитьями, разбегающимися от зрачка к радужке.

Живой, слава богу.

Похоже, я высказала последнюю мысль вслух, потому что он рассмеялся, наконец поставил ведра и присел на корточки рядом, и все это – одним мягким движением. Тот еще дедуля!

– Ты вроде тоже руку к этому приложила, а?

– Вы полагаете...

– Ты тут мне не выкай! Ни одна славь еще не набиралась наглости мне выкать, а эта – пожалуйста! И кто тебя учил на

тот свет ночью посреди болота, черным мором затопленного, таскаться... Любопытно узнать, ведь голову паршивцу отвинтить бы следовало. – Он разом посерьезнел. – Интересно, кто вообще мог тебя найти и провести через посвящение. Я думал, никого уже нет, и много поколений. Когда Радужный запел, себе не поверил, решил, с ума схожу, вот и чуется то, о чем давно вспоминать себе заказал. Ладно, пошли в дом, отвару попьешь и поговорим. Разговор будет у нас длинный, как я понимаю.

– Может, обойдемся без отвара? – слабо понадеялась я – Так во всем сознаюсь, честное слово! И, кстати, лучше я тут посижу. Солнышко сегодня красиво играет.

Он хмыкнул понимающе, скрылся на минуту в доме и вернулся с той же плошкой. Опять густо парящей и полной до краев. Запах этой дивной травки я вовек не перепутаю с другим! Мертвых поднимает. Пришлось решительно пить, давась приторным вкусом и глотая целебную гадость поперек возражений организма. Болотный житель смотрел на дело своих рук с явным удовольствием. Наверное, давилась я и впрямь забавно. Наконец зелье кончилось. Мне снова была предложена та же плошка, уже с водой для запивания и умывания. Хорошо тут все-таки! Вода ледяная и вкусная сказочно. Я повозилась, уютно устраиваясь, и вопросительно посмотрела на присевшего рядом хозяина:

– Я начинаю? Моя история наверняка короче выйдет...

Он кивнул. Наконец-то у меня есть собеседник! Я вдруг поняла, что события последних суток буквально распирают меня, и стала торопливо выплескивать информацию на благодарного слушателя. Вот выскажусь – и потребую объяснений. А то надо ж, какие умные, «три вопроса». Какие там три, их уже несчетно накопилось!

Он слушал замечательно, заинтересованно, внимательно, ничего не упуская.

Я начала с краткого сумбурного описания своего мира и проблем той жизни, хотя отсюда сегодня они выглядели мелкими, полузабытыми и чужими. Невероятно, но позавчера я ими жила. Дура! Он в точку попал. Увольнение я считала концом света, одиночество – трагедией, плохую погоду – поводом для слез. Две беды из трех, если честно, вообще сугубо потенциальные. Про погоду тоже стыдно вспомнить. Нормальная была погода, бодрая – мокрый снег, ветерок. Тоже мне, поводы для паники!

А вот оказалось, что и ступени, ведущие вниз, это не всегда последнее воспоминание жизни...

Внимание своего единственного слушателя я ощущала буквально кожей, как и растущее по мере моего повествования удивление. Он не перебивал, он целиком верил мне, и при том выглядел все более растерянным. Наконец я добралась до финала.

– Получается, вчера я трижды была рядом с последней

чертой. Но осталась с этой стороны, что не может не радовать. Видно, мир меня не хочет отпускать, уж не знаю, чем заслужила. Наверное, аванс. Тут удивительно хорошо. – Я потянулась и пересела поудобнее, поджав ноги. – Я до странности активно не хочу назад, но очень не прочь еще раз повидать Мейджу. Без моих знаний о том мире она пропадет. Компьютеры, Интернет, телефоны, автомобили... Тяжело ей будет. Даже слов подходящих нет. Профессии тоже. И еще, мне в этом мире надо какое-то имя завести, старое оставлять не вижу смысла. Было, правда, у меня второе – для подписи работ, еще детское, Ника. Так, пожалуй, и зови, пока не разберемся.

– Ника – вполне нормальное имя, – кивнул он серьезно. – Правда, здесь тоже принято иметь для посторонних второе. Что-нибудь придумаем. Что ж, рассказывать мне придется долго. Дольше, чем думал, с самого начала.

Полное мое имя очень длинное и на современном языке не слишком ладно произносится, примерно как Аэртоэльверриан. Обычно сокращается по-любому – Арт, Альв, Вэри, Риан... Впрочем, уже давно некому звать меня по имени. Все дорогие моему сердцу ушли по тем стертým ступеням, и следы их остыли. А я по-прежнему здесь, хоть и думал еще вчера, что поводов оставаться в мире больше нет. Я хранитель памяти, которая стала никому не нужной, кроме тебя. Ты со своими вопросами упала как раз по адресу, девочка.

Я вижу в этом добрый знак, впервые с тех страшных времен, когда мир сотрясся в агонии, распадаясь под натиском сокрушительного зла.

Слушай.

Наш Релат – мир удивительный и прекрасный. Здесь почти не было войн. По крайней мере таких, когда вымирают народы и земля горит под ногами. Природа добра. Урожайи обильны, травы целебны, леса полны дичи. А если пришла большая беда, достаточно позвать снавь. Может, и не избавит от напасти вовсе, но смягчит удар. Снави рождались в этой земле всегда, чаще женщины, но не обязательно. С раннего детства они видели сны – цветные, яркие, в которых сознательно жили и играли, меняя ткань мира сновидений. Таких рождалось немного, один ребенок на сто, а то и реже, способен на игру. И еще, сны обычно уходят, когда малыш вырастает. Способность жить в ночной реальности сохранял хорошо если один подросток из сотни одаренных крох. Вот за ними в свое время приходили старшие и проводили юных через посвящение. Которое одних делало видьями, а других – обычными людьми. Ну разве немного более чуткими и везучими и, чаще всего, проживающими долгую и спокойную жизнь.

Нет никакой возможности заранее узнать, кто обретет и сохранит дар. Нельзя его унаследовать, передать, разбудить. Зато утратить можно, как и отказаться сознательно. Да и,

честно говоря, многие ли захотят обладать силой, которая требует жить для других, не зная дома и покоя...

Я всегда полагал, что дело не в природных талантах, а в человеке, в его выборе. Сохранит ребенок, взрослея, способность по-детски радоваться миру, не примет зла, сумеет чувствовать чужую боль как свою и захочет помогать незнакомым людям, не требуя награды, – будет сnavью. Захочет жить только для себя, изломает душу гордыней и жадностью, – перестанет видеть сокровище. Может, я и был почти прав. До определенного времени.

Пока две сотни и еще двенадцать лет назад в мир не пришли братья.

Это были близнецы, и дали им одно имя на двоих, как принято. Атирас-го и Атирас-жи. Го – значит старший. Хоть и разница-то у них – минут в пять, а для наследования и меньшего довольно. Они родились в княжеском роду Карн, что правит здесь, столица в десяти днях пути на зимний закат. Атирас-го был объявлен наследником рода и трона. Жирок слабеньким и болезненным, брат его всегда защищал, оберегал, очень гордился тем, что способности хилого пацаненка с годами растут.

Искать сnavью для посвящения брата поехал сам Атирас-го. Искать вовсе не обязательно, но младший попросил... Он вообще рос робким и многого ждал от окружающих. Особенно – от любимого старшего брата. А просил он потому, что с некоторых пор видел сны все реже. Потеряв дар, он стра-

шился утратить братскую любовь и уважение. Терзался, видимо, страшно. А тут еще смерть матери, нелепый несчастный случай на княжеской охоте. Мальчик таял на глазах, и старший брат готов был звезду с неба снять, лишь бы Жи, младший, стал прежним и опять улыбался. Вот и поддался на уговоры, уехал в дождливый, слякотный предзимний день.

Не лучшее время для странствий.

Го направился к подножию Радужного. Достигнув этих мест, разузнал, что в Красной степи беда, кочевники позвали сnavь. Тогда княжич решил догнать ее и поехал берегом, спускаясь по течению Рельвы, которая петлями уходит на юго-восток, минуя серебряную ковыльную равнину арагов, в Красную степь кочевников илла, что раскинулась вокруг внутреннего Золотого моря. Оно пресное, давало воду степи, и люди не знали засух. Дальше Рельва неспешно и широко (берегов с середины не видать) струилась к океану, там земли пыльные, горячие, много песков. Так было... ну да ладно, вернемся к братьям.

Итак, Атирас-го был вежливым юношей, к тому же он торопился обрадовать брата, потому и решил сам поехать за сnavью, а не посылать гонца – слишком вышло бы по-княжески формально и долго. Он вступил на земли арагов, даже не уточнив, какая беда так обеспокоила кочевников.

Две сотни лет назад черным мором звали болезнь скота и людей. Сnavи обычно отделяли зараженный скот и требовали его сжигать. А людей лечили. Правда, спасти удавалось не

всех. Когда больной впадал в сонное лихорадочное забытие, шансов почти не оставалось. В общем, дело давнее и темное. Почему Атирас-го сунулся туда, где сожгли скот? Похоже, хотел сократить дорогу и не встретил дозоров, или он просто заплутал в незнакомой степи, где одно место неотличимо похоже на другое для неопытного путника. К тому же, возможно, ехал ночью и не обратил внимания на колья с черными полотнами...

Когда его привезли к снави, было уже почти поздно.

Сиртэ я хорошо знал, она всегда боролась до последнего. Отчаянная девочка, совсем молоденькая, очень талантливая, очень упрямая, совершенно не признающая поражений. Если кто и мог помочь, то как раз она... Беда, что снавь, увы, была бесконечно вымотана. Черный мор – не шутка.

Шанс оставался всего один. Перелить княжичу жалкий остаток силы, чтоб продержался сколько можно, и везти его к Радужному. Здесь место уникальное, могучее, словно созданное для слияния снави с миром. Только здесь можно пройти второе посвящение. У подножья Змея был тогда древний алтарь. Теперь он затоплен.

А тогда...

Здесь их встретил Атирас-жи, он почувал, что с братом беда. Правда, во всем обвинял не себя, подбившего старшего на бессмысленную поездку, а всех вокруг. Более иных Сиртэ, потом уж и глобально, соседей Карна, – арагов и илла. Еще он потребовал своего участия в обряде. Говорил, что у него

яркий дар, он нужен брату, и если тот все-таки уйдет, то без старшего ему не жить.

Почему Сиртэ уступила уговорам, не ведаю.

Может, приняла на себя бессмысленные обвинения. Или рассчитывала всерьез на то, что Го вернется ради брата. Наконец, не смогла отказать им в последней встрече, потому что шансов уже не осталось никаких...

Причину нам не узнать.

Зато известно достаточно точно, к чему привели уговоры младшего княжича. Она не только позволила Жи присутствовать, но и дала светоч. Фактически поделилась своими душой и даром, заключенными в тонкую защитную оболочку, – чтобы не сожгли юношу. Так, поверь, делать нельзя, и она-то знала о запрете, но все сошлось роковым образом. Рядом никого старших не оказалось, я тоже был в отъезде.

То, что случилось дальше, вообще, кажется, не могло произойти.

Жи и Сиртэ спустились по ступеням. Ты вчера была там. На грани света и тени они звали Го, но безответно. Одним богам известно, что стало потом. Точно скажу одно: Жи вернулся назад безумным, Сиртэ не вернулась вовсе. Он выпил ее душу досуха. Тело маленькой илла рассыпалось пеплом. Останки брата Жи доставил в столицу и там устроил мрачные и торжественные похороны, а на свежей могиле дал страшную и невозвратную клятву не просто уничтожить всех повинных в гибели Атираса-го, наследного князя рода

Карн, но сделать жизнь немногих выживших земным адом, лишить их всего, что было дорого. Мол, у него после смерти брата ничего не осталось, почему тогда и другим не страдать? Все виновные – это араги, илла и прошедшие посвящение одаренные, то есть снави...

Слова падали монотонно. Было видно, какой болью даются они Риану. Иногда он надолго замолкал и безнадежно смотрел на Змея, струящегося с гор. Словно искал поддержки. Таким был Радужный и две сотни лет назад – радостным, прекрасным, живым. Только он и остался от прежнего мира. Он и Риан... Сколько же лет, вернее, веков, загадочному хранителю? Друзья уходят по ступеням, а он по-прежнему здесь, на пороге, один. Живая память. И боль.

Я не сомневалась – он помнит их всех не только по именам, помнит до последнего слова, жеста, душевного порыва. Помнит детьми, беззаботными подростками, одолевающими беды юными героями, счастливыми родителями, усталыми путниками, умудренными жизнью стариками...

– Пока одни уходили, а другие приходили, было легче? – спросила я почти нечаянно.

– Когда ушла последняя снавь, я умер, – тихо ответил он. – За гранью жизни им память не нужна. Она всегда для тех, кто здесь, в мире. Я учил, выслушивал, утешал, лечил, мирил, ругал, кормил, рассказывал сказки, спорил... Поко-

ления сменялись, но продолжалась жизнь. А последние сто девяносто семь лет я молчал.

– Ты был всегда?

– Нет, вот ужас-то, как можно такое подумать! – он чуть усмехнулся. – Просто давно. Мы, долгожители айри, в мир людей почти не ходим. Только хранитель живет здесь, да еще его ученик, когда приходит пора сменяться и находится новый хранитель. Мы живем рядом, высоко в горах Змеиного кряжа. Правда, люди туда не могут попасть. Даже снэви. Так устроен мир, мы очень разные.

Я набрала воздуха в грудь и рассказала ему про эльфов. Риан тут же гордо продемонстрировал свои уши – совершенно нормальные, человечьи. Потом запретил мне называть его Альвом и наотрез отказался петь. Голос, мол, это не самое сильное из его качеств. А еще открестился от магии. Нет, Релат – мир обыкновенный, страшных ведьм (кто такие?) и могучих магов-волхвов (ну что за детские сказки, Ника!) тут не водится. Колдовских источников, волшебных палочек, единорогов – тоже нет. И без того интересно живут.

Станный... И все же... что-то такое в нем чувствуется определенно эльфийское. Хотя бы этот живой внутренний свет и бесконечная доброта.

Радуюсь возможности ненадолго уйти от страшной истории, которую мне еще предстояло дослушать, а ему – дорассказать, мы деловито перебрали прочие признаки толкового

эльфа. С долей раздражения Риан признал, что из лука люди стрелять не умеют по определению, видят плохо, гибкостью не обладают. Потом мы неосторожно затронули тему врачевания ран и живучести. С чем и вернулись к истории рода Карн.

– Как один безумец мог разрушить жизнь целых народов? – я недоверчиво пожала плечами. – Он же утратил дар. Не мог не утратить!

– Именно. Увы, произошедшее в значительной мере вина, а точнее, ошибка Сиртэ. Снавь отдала ему светоч души, из которого безумец сотворил то, чем владеют все его последователи, видьи огня, названные по избранной Жи для покорения стихии. Это сейчас их так кличут... Раньше именовали Обугленными и еще Окаянными. Он научился выпивать силу сnavи против ее воли, а потом научил других. Дальше – хуже. Обнаружилось, что, не получая долго поддержки от чужого дара, Окаянный стремительно слабеет. К тому же взятую без спроса силу крайне трудно контролировать в присутствии яростной и неукротимой первозданной огненной стихии – солнца. Обугленными их прозвали, когда несколько учеников под полуденным солнцем буквально сгорели после казни сnavей, не совладав с украденным даром. С тех пор они надежно прячутся от прямых лучей и стараются ясным днем не бывать на улице. Но, вернемся к истории, как это ни тяжело.

Гибель Сиртэ для мира не прошла бесследно.

В горах разразились чудовищные ураганные ливни. Сползли селевые потоки, накрывая деревни на склонах. За Золотым морем, у границы песков, наступила затяжная сушь. Всем было чем заняться. Близ Радужного, как назло, не прошла дорога ни одной сnavи, я сам уехал к айри, были срочные дела. Почти год никто не знал о страшной смерти на алтаре. Мир вокруг Окаянного словно оглох и ослеп.

За это время Атирас-жи принял княжество под свою руку после внезапной и очень своевременной, если вдуматься, кончины дяди. Пригласил в столицу одаренных детей, повелев искать их по всей стране. Одни стали его учениками, все добровольно. Обиженные. Он соблазнял их властью, славой, силой, лестью... и запугивал... и чего только не обещал. Другие погибли, напоив силой окаянных. Им никто ничего не обещал.

Когда все выяснилось, князя попытались вразумить, даже вылечить. Никто не мог представить, сколь холодным и логичным окажется безумие, а точнее бессердечие. Душа сгорела, а мозг работал. С каждой жертвой сила его росла. Сила, не способная вызвать дождь, остановить наводнение, вылечить лес, очистить реку, спасти умирающего человека.

Зато отменно приспособленная для боя и разрушения.

Бесполезно был потерян год в неведении, следующий прошел так же бессмысленно. Лишь к исходу третьей зимы

удалось осознать всю тяжесть происходящего. Но было уже поздно.

С двух сторон, с востока и юго-востока, огненные рвы отгородили земли рода Карн от мира степи. Остался лишь узкий проход близ Радужного. Здесь последних снавей ждал Атирас-жи, успевший подготовить немало окаянных и собрать армию Карна. Все было кончено за несколько дней.

От древних лесов шумевшего здесь некогда Утреннего бора остались только обгоревшие стволы. Последних пленных снавей собрали на том самом алтаре, с которого все началось, некогда воздвигнутом для спасения жизни тяжело больных. Выкачивая их дар, князь совершил страшное: обрушил горы на юго-восточном выходе из ущелья, перегорев див русло Рельвы и расплавил камень западного склона, открывая новую дорогу воде. Подножье гор стало гнилым болотом, где поселился черный мор – вызванный силой окаянных дух болезни, вечно жаждущий новых жертв. Ни одна снавь, даже если бы и уцелела хоть единая, не смогла бы пройти высшее посвящение, слившись с Радужным. Первая же ночь внизу стала бы для нее последней. Ты знаешь сама, как это выглядит...

Дальше все рушилось уже необратимо.

Рельва исчезла, бурные воды потекли в Карн, едва не смыв столицу, заранее заслоненную дамбой, а степь познала страшную и нескончаемую засуху. Золотое море исчезло – на его месте теперь мертвое потрескавшееся дно. Сплошная за-

пекшаяся корка. Это произошло за неполных десять лет!

Илла вымирали стремительно, араги оказались прижаты к горам, где осталось хоть сколько-то воды. И тогда этот демон объявил, что даст степи напиться – немного, но достаточно для наполнения широкого каменного желоба, который спекут из песка окаянные по старому речному руслу. Правда, придется поклониться Карну. Араги и илла признают себя вечными данниками и будут ежегодно платить за право выжить.

Многие считали, что лучше смерть. Были бои, похожие скорее на резню: сытые и сильные наемники Карна против гибнущих от жажды и голода скелетов – илла и арагов, едва стоящих на ногах...

Оставшимся в живых довелось завидовать мертвым, что и обещал Жи. Как объяснить детям, что есть нечего и, еще страшнее, пить тоже, что гордость дороже жизни близких? Выбора у них не осталось.

Раз в год, под осень, из Карна прибывает отряд смотрителей. Они проезжают по всем поселениям, клеймят «правом на воду» новорожденных и отбирают каждого третьего из достигших оговоренного возраста в этот год. То есть восемнадцати. Отобранных сбивают в стада, как скот, и ведут на рынки. Обычно в Карн пригоняют три каравана: лучший товар в столицу, и два – в пограничные со степью крупные города.

Две сотни лет назад этот мир не знал, что такое рабство...

Я сидела, болезненно щурясь на яркое солнце, прошедшее зенит и склоняющееся теперь к макушке Радужного, отчего блики в чешуе змеиного хвоста стали нестерпимо обжигающими. День выдался ясный и жаркий, но меня отчетливо знобило. Мир грез, где я впервые узнала, что существует жизнь без страха, что смерть – не конец, что радость может наполнять каждый день, мир, который я сразу же признала своим родным, погибал, раздавленный прихотью бездушного ничтожества. Умирал, потому что сказанным изменения не ограничились. Я, снавь, это знала лучше чем кто другой. Я чувствовала кожей, своими нервами, вплетенными в ткань мира, как в морях бушевали штормы, а на севере за зиму ни дня не видели солнца. Ощущала подобные нарывам гнилые топи в загорье и иссохшее серое пепелище на месте старых болот, рождавших некогда полноводные реки. В Карне, пострадавшем менее всего, год от года скудела земля. Далекие острова на западе, за кромкой океанского берега, который уже десяток лет не знал толковых уловов рыбы, а пустыни заморского юга наступали на изобильное побережье, сливая огненным языком виноградники и оливковые рощи. Неукротимое зло взимало плату со всех, правых и виноватых, а список счетов был необозримо длинным.

Я закрыла ладонями лицо и сжалась в комок. Стало как в прошлой жизни привычно одиноко и пусто, словно мир выцвел.

«Паникерша глупая!» – злобно одернув себя, я выпрямилась. Фирменный приступ отчаяния организовала: пожалейте меня, люди добрые... Им, между прочим, самим помощь нужна. А я, кстати, самая везучая дуреха этого мира, и к тому же – снавь. Панику можно немножко отложить. Вот припрет как следует, тогда поплачу от души, припомню и этот повод. Если сочту стоящим к тому времени.

– Риан, ты остался здесь в надежде дожидаться выживших? – постепенно справляясь с дрожью в голосе спросила я – Не вернулся к своим, в горы?

– Остался. Моя жизнь вообще-то должна была закончиться тогда, когда здесь принимали последний бой друзья. Меня обманом отправили на север, за надуманной помощью. Далеко. В край вечных льдов. Когда они умирали, я все чувствовал, это моя способность, но был страшно далеко, – выдохнул он сквозь зубы. – Потом вернулся, так быстро как только смог. И все равно безнадежно поздно, даже для нормальных похорон. Дом уцелел, это последнее проявление дара снавей прошлого. Они укрыли его от напастей и чужих недобрых глаз, от всей души для меня постарались. Я добрался и увидел его совсем не изменившимся, хотя здесь шли ужасные бои, применялась огненная сила окаянных, а потом бушевали взбесившиеся воды умирающей Рельвы. Я приехал на затопленное пепелище. Ждать было некого. Только уйти, значило похоронить их еще раз, и я не смог. Оказывается, все

же не зря. Вот смотрю на тебя и думаю: как ты могла вообще тут у нас случиться? Зеркало, руны, какой-то непонятный кот... Нелепость на нелепости, случайности так ловко подобрались одна к одной. И вылепилось чудо, то есть – вылупилось. Два дня знаешь о своем даре, и прошла оба посвящения. При том, что сделать это без проводника невозможно, уж поверь старому хранителю памяти.

– У меня был проводник, и хотелось бы знать хотя бы в общих чертах, где теперь носит этого хвостатого интригана! – пожалала я плечами и добавила, хмыкая от зрелища охватившего Риана столбняка: – Кот. Зверь домашний, небольшой, вот такого роста, родич рыси, барса, леопарда... кто тут у вас водится еще? А, камышовый дикий кот. Наглый деспот, серо-полосатый, вечно голодный, самовлюбленный мой Ероха. Он всегда встречал меня в том мире у двери и прыгнул к зеркалу. А потом я видела его во сне, он и проводил к месту назначения, ну, где я три дурацких вопроса задала.

– Котов домашних тут нет, – осторожно заметил Риан. – Хотя если подумать, вроде я слышал о таких, их держат в домах на далеком юге за пустынями Обикат, а прочие перечисленные, пожалуйста, все в наличии. Только они не могут провести в мир живых снов. Они обычные дикие животные, хищники.

– А у нас кошки почитались в древности богами, – обиделась я за Ерофея, – считается, что они видят недоступное людям и живут в двух мирах. И вообще, кто же ловит мышей

и крыс? Их не может не быть.

– Возразить не могу, хоть и не верю, – буркнул Риан, а потом пояснил: – Мыши, конечно, есть, их ловят ежи, хорьки, совы. Трудно отрицать тот факт, что ты здесь, такая какая есть, а быть подобного категорически не может!

– Очень странно, что именно я, – пришлось признать очевидное, – Не герой, не боец, совсем обычный человек. Кто меня сюда пригласил? И выбрал.

– Сложно сказать, – он слегка замялся, то ли пытаюсь смягчить ответ, то ли недоговаривая. – Ты была готова сменить мир, там ничего не держало, ты способна воспринять посвящение, что уже огромная редкость. Вы с Мейджей оказались совместимы, если можно так сказать, – по своим устремлениям, по времени, по обстоятельствам. Одним богам известно, что еще сработало. Ладно. Вставай, пошли в дом. Отвар пить пора.

Ой, как я пожалела об отложенной истерике! Могла бы еще в обморок своевременно хлопнуться, откосила бы от его фирменного «сладкого яда». Теперь вот даже настоящей заботы не дождешься, встал и ушел в дом. Нет чтоб руку протянуть мне, страдалице горемычной, израненной. Потом я вдруг вспомнила, кто вчера был изранен и при каких обстоятельствах. Пришлось смущенно подниматься, отдирая спину от стены, и брести следом.

– Риан, а как ты себя чувствуешь? – запоздало проявила я заботу, переползая порог. В висках от малейшего движения

гудело и грохотало. – Все-таки рана была очень неприятная, а ты с ведрами носишься.

– Прекрасно, – недоуменно повел плечами хозяин избушки. – Ты ж своей силы не знаешь, использовать толком не умеешь, выплеснула на меня все что было. А было много, даже чудовищно много. Глядишь, еще и помолодею. А вот тебе теперь отлеживаться и отлеживаться. Мой опыт общения с вашим племенем говорит в полный голос, что это весьма удачный вариант. Ведь поднимешься на ноги – и пойдешь спасать мир. Тут целое болото затопленными спасателями завалено. Сначала идут, что характерно, а потом думают. В следующей жизни, наверно. Поэтому лежи тихо и слушай меня, мудрого старого айри. Я еще не совсем бесполезный для тебя источник информации.

– Так уж и старого! Я пока никого спасать не рвусь, осторожная потому что и робкая от природы, – возразила я искренне. – Вообще разве я могу так вот, без сандалий?

– Да, – серьезно кивнул этот бессовестный долгожитель, хотя в глазах его живым серебром плескалось веселье. – Босиком никак не спасешь. Вот если в хороших сандалиях... принципиально другое дело. Это сразу какой страх непомерный для врагов! Настойчика попей, босоногая. Кстати, снави почти не нуждаются в пище, как ты уже, полагаю, заметила. Особенно прошедшие второе посвящение. И от климата мало зависят. Ты ведь ночью не замерзла, хотя было очень прохладно для лета. Воду любят чистую, лучше родниковую,

травки-салатики. А мясо совсем никак. Плохо вам от него.

Я обреченно выпила горячий состав. Готова поклясться, он дал мне миску больше прежней раза в два, а в отвар подмешал нечто окончательно тошнотворное. Как его терпели все прежние поколения? Тут и без врагов от непомерных забот загниешь. Украсил день новой ценной информацией: шашлыки, значит, отменяются пожизненно. Ладно, денег все одно нет, отсутствие забот о пропитании должно радовать. Увы, пока только наводит на размышления. Я, в общем, не шалава какая-то, но приятно знать заранее, чего еще меня лишили в обмен на дар.

– А вино? – этот вопрос меня почему-то обеспокоил прежде других. – Хорошее, сухое, желательно белое, можно?

– Где ж я тебе его среди болота нацезу? – развел руками вредный эльф. – Но вообще можно. Не надувай щеки, торопыга. Все можно. Замуж там, детей, морду кому набить, – это пожалуйста. Но только по любви, без обмана и от души.

– Не умею бить морды, даже по любви и без обмана, – сердито сообщила я. – У нас там в целом спокойно. Я же дизайнер, применительно к вашему миру, специализируюсь на рисовании вывесок, узоров, винных этикеток. Кстати, завтра должна была сдать заказ. Эта дубина Мейджа клиента потеряет и останется без денег. Да она вообще из квартиры не выберется! А какие пропадают этикетки... и перспективы. Мне, то есть ей теперь, обещали помимо денег ящик вина в

качестве премии.

– Завтра займемся бедами Мейджи, – пообещал Риан, – а сейчас пора спать. Ложись, укройся поуютнее, и дай мне руку. Скоро баиньки, я травки хорошие подобрал...

Голос сошел на ехидный шепот и стал удаляться. Ну что за интриган! Опоил сонным зельем, так хоть подобрал бы чего повкуснее. Завтра скажу ему, что при таком поведении я уйду спасти мир и без сандалий, лишь бы оказаться подальше от этого пропагандиста здорового образа жизни.

Я завозилась, устраиваясь поудобнее. Ну куда я пойду? Пропадет он без меня, второй раз оставлять Риана одного совсем не дело. Вот еще забота... Сон обнял больную гудящую голову и бережно ее погладил, сгоняя усталость и суетные мысли.

Наконец-то и моя родная полянка у озера. Тишина, благодать... я возмущенно задохнулась и всплеснула руками: Риан меня и во сне не оставил, выбравшись из зарослей ивняка чуть поодаль и приветливо помахав в ответ.

– Я же сказал, дай руку. У нас здесь куча дел, кроме того, хотелось глянуть, что за место ты соткала. Видел самые разные – величественные, волшебные, сказочные. У тебя просто уютно. Ты, кстати, ничего тут не подбирала, не находила?

– Жемчуг, – буркнула я, уже вполне примирившись с компанией, – ма-а-ленький и очень красивый. Вот.

Я сразу нащупала крошечное переливчатое зернышко там, куда положила на хранение, в самом маленьком, закры-

том на молнию, карманчике коротких застиранных джинсов. А в чем еще я могла быть? Это же мой сон, мой пруд и мой лес! Соответственно – любимые старые штаны, удобные, со всеми знакомыми карманами и потертостями, плюс клетчатая рубашка, завязанная на животе узлом. И опять босиком. Это уже система...

Риан осторожно принял мою находку, ставшую у него на ладони полупрозрачной и похожей на крошечную каплю росы. Рассмотрел без тени удивления, словно знал заранее, что увидит, и почти нехотя вернул. Он был приметно взволнован, а еще как будто расстроен и обнадежен одновременно.

– Иногда мир дарит сниви нечто, но смысл подарка может долго оставаться неясным, однако, в конце концов, находит свое предназначение. Особое. Интересно, что ЭТО даст тебе? Дар очень редкий, ценный и неоднозначный, – он еще раз мельком изучил мой скудный наряд, явно стремясь сменить тему. – Ты действительно не владеешь оружием, раз в своем мире не носишь даже кинжал.

– Здесь-то зачем? – опешила я, и усевшись, довольно промурлыкала: – Тут у меня уют, тишина, на востоке (я не ходила, но знаю) на опушке яблони и небольшая вишенка. К закату ближе цветные клены, бересклет, падуб. Севернее кедры, – воздух чувствуешь какой терпкий? Смола за день вытопилась, а ветерок оттуда. За холмом несколько очень старых дубов. Есть тут олени, лисы, волки, медведь – ну все как

положено. Только меня никто не тронет, это действительно мой мирок.

– Оружие носят во снах те, кто с детства привык к нему в яви, – вздохнул знающий все Риан. – Не из чувства опасности, а потому что всегда под рукой. Ну вот зачем тебе такая куча карманов, застёжки мудреные? Просто привычно, удобно. Так и с кинжалом. В большом мире он тебе будет не без пользы. Я уверен, я старый и довольно опытный путешественник. К тому же я хочу тебя научить передавать, что ты знаешь, другим. Например Мейдже. Ты и сама научишься, но возможно не так скоро, а времени нет. Смотри.

Риан сел, удобно откинулся на мебельно-изогнутый ствол старинной ивы и уместил раскрытые ладони на коленях. Посидел так с полминуты, разглядывая, видимо, свою бесконечно длинную линию жизни на правой руке, потом аккуратно повел указательным пальцем левой по этой линии, постепенно закручивая движение против часовой стрелки. Через два-три оборота под пальцем возникла призрачная пуховая нить, тонкая и туманно-размытая. Он ловко подцепил ее, скрутил, помогая большим пальцем, и потянул к себе, как обычную пряжу из кудели.

Я тихонько охнула и придвинулась, восторженно изучая чудо. Он, видите ли, не сnavь, он мирный библиотекарь, состоящий при архиве. Типичный эльф...

Пока я удивлялась, он все крутил и тянул нить, которая

уже лежала на росистой траве у ног петлями, тонкая и легкая, как невесомая паутинка. Мое сонное сознание словно ныряло в туманную пряжу, стоило к ней приглядеться попристальнее. В нити я отчетливо ощущала его опыт, и, чуть меняя угол зрения, различала то взблеск меча, то короткое движение пальцев, спускающих тетиву, то странно замедленный, почти балетный, прыжок-уклон. Убедившись, что дело не быстрое, я перестала пялиться и, поднявшись, побрела к северной лощине. Мои планы были глупее глупого. Но, поскольку это сон, пусть и необычный, сознание не думало возражать. Вот схожу быстренько, благо Риан занят, а то пока объяснишь, куда и зачем, сама последние остатки надежды растеряешь.

Раздвинув гибкий водопад молодых побегов серебристой плакучей ивы, я покинула влажный берег пруда. Впереди, перламутрово подсвеченные почти полной луной и укутанные легкой шалью тумана, зашелестели березы с любимой картины Куинджи. Хорошо-то как! Я миновала рощу, прибавила шаг и выбежала на луг, лаская ладонью головки высоких сонных ромашек. Где-то здесь, почти наверняка. Лучшее место для мышкования.

– Ероха? – неуверенно окликнула я невидимый призрак, миг назад взвихривший струи тумана у края лощины.

Это был он.

Издав победный вопль, мой полосатый охотник подпрыгнул на метр с лишним, сверкнул холодным фосфором подсвеченных луной глаз, извернулся и метнулся на крупную добычу. Повиснув на хозяйкином бедре, ловко обхватил ногу всеми четырьмя мягкими лапами и для верности чувствительно прикусил кожу. Я пошатнулась – все восемь килограммов очень живого веса плюс полкило росы, собранной с поляны на длинный густой мех. Мокрый до самой спины, едва устроившись на руках, принялся музыкально жаловаться на свое горькое одиночество и нервно вылизывать лапы.

Когда мы вернулись к озеру, Риан, по счастью, уже смотал нить в компактный клубочек и несколько раздраженно поджидал нерадивую сnavь, пропустившую урок. Представляю, что сотворил бы с его ценным опытом, расположившимся заманчивыми петлями на траве, мой хулиган. Который, кстати, тут же и был представлен.

– Вот он, Ероха. Как видишь, существует, ловит призрачных мышей и вполне счастлив. Кстати, давай я тебе – кота, а ты мне – клубок. Иначе опыт разматает он, будет у нас первый на два мира кот-ниндзя, – я поймала во взгляде собеседника недоумение и пояснила: – Это такие неуловимые и непобедимые ночные бойцы.

Риан не ответил. Сунул мне не глядя клубок и принял возбужденно поющего Ерофея. Видимо, поверить скопом в колдунов, ниндзя и автомобили было проще, чем в живого кота, нагло бродящего по хозяйским снам.

Дальнейшее меня просто доконало. Серый предатель млеет и урчит, что вообще для него крайне нетипично, особенно с посторонними. Риан ласково лепетал что-то вопросительно-восхищенное и несуразное про «какие у нас мягкие лапки, ясные глазки, белые зубки, чуткие ушки».

В знак никем не замеченного протеста я удалилась на другой берег, обогнув озеро по мелкой воде, еще хранящей следы дневного тепла у поверхности. Пристроилась на коряге и взялась за клубок. Больно мне они оба нужны! Сама разберусь. Клубки – это по женской части. Где кончик? Сейчас мы его осторожненько...

Подцепила хвостик нити ногтем указательного пальца правой руки и легонько потянула, ожидая от ленивого подсознания подсказки. Нить колыхнулась и уткнулась в кожу, словно ощупывая ее. Потом чуть дрогнула и стала раскручиваться почти прозрачной спиралью, одновременно наматываясь на палец, слой за слоем. Клубок на левой ладони дернулся и провернулся. Все пошло, вроде, правильно. Я зевнула и поудобнее устроилась спиной в развилке коряги. Глаза слипались. Значит, скоро я проснусь, вот странный мир!

– Ну не топайте, слоны бессовестные! Изуверы-ы, – простонала я, отчетливо понимая: это мужской заговор, и они меня точно изведут.

Дело уже спорилось.

Голова не просто болела, это слово ничего не описывает из гаммы моих ощущений. Она разрывалась, мозг мутно шевелился, как дикобраз в логове, проткнувший череп своими ядовитыми иглами. Глаза опухли и не открывались, рот был полон желчью, спину свела судорога. Отравили?

Вроде вчера вина у Риана не нашлось, тем более столько. Я бы запомнила. Хотя нет, помнит он. Я только болю. Вся.

– От глупости ничем не лечат, – заявил знакомый голос без малейшего намека на сострадание в интонациях. Одно веселое злорадство, – тебя кто просил разматывать клубок, ниндзя скороспелая? Тем более – весь за один раз. Запойная ты у нас девица, и вином интересуешься, кстати. Удивительно, что при таком мудром домашнем коте состоит столь безнадёжная хозяйка. Ну что он в тебе нашел?

Риан аккуратно переместил мою многострадальную голову, помогая выпить очередной настой. От знакомого вкуса сознание взбодрилось, кожа пошла крупными приветственными мурашками. Сил, чтобы спорить, все равно не осталось, я покорно пила. Даже приоткрыла одно веко, в щелочку изучая утро. У самого носа обнаружила Ерохин хвост, возбужденно подергивающийся и загибающийся на конце. Он уже тут! Стало интересно и я, преодолевая могучее притяжение соснового пола, приподнялась на локтях.

– Откуда здесь предатель, то есть кот? – выдохнула я,

ненатурально изображая праведный гнев.

– Не знаю, – в тон мне ответил Риан, – он, похоже, гуляет везде где захочет. Сейчас присматривается к избушке. Кажется, доволен. Обнюхал все, двухдохлых мышей мне прихлопнул, обменял на сыр. Теперь интересуется выдрой, но тут у него шансы средние, как полагаешь?

Я неопределенно пожала плечами и поползла к выходу. Солнышко просыпалось, улыбаясь единственной пока в этом мире снэви приветливо и сочувственно.

Спасибо. Хоть кто-то меня сегодня не учит, а просто гладит теплым сиянием как ребенка по несчастной больной голове. Это так здорово. Сегодня надо соорудить моток для Мейджи и договориться с ней об условиях эксплуатации моего прежнего организма, а заодно имущества, знакомых и немногих оставшихся родственников. Получит профессию дизайнера и прочие навыки только в обмен на обещание: не разрывать отношения с братом, не менять круг друзей слишком резко, сдать этикетки без скандала, выучить все дни рождения родни, быть милой с соседями, следить за могилками, ухаживать за садом, продать машину обязательно в хорошие руки... Список был очень длинным и местами абсурдным. Например, не подписывать работы моим именем, Ника, или не пить кофе с риском залить клавиатуру, не травить полученный организм никотином... Ничего, выучит. Все равно без моей помощи ей ключа от квартиры вовек не найти. Кто ж станет искать в старом зимнем тапке,

на дне шкафа, за обувными коробками? А ключ приземлился именно туда, я-то знаю.

Еще знаю, что Ероха останется с Рианом. Вот и хорошо. Они оба настолько НЕ люди, что понимают друг друга лучше, чем меня. Выходит, можно собираться. Жажда странствий, знаете ли, – я слышала о ней, но в полной мере ощутила впервые. Незнакомое, кружащее голову и довольно навязчивое состояние. Где ты, мой здравый смысл? Ау-у! Молчит, нет его на месте, а то бы возразил и вразумил. Значит, в путь. Вот только куда?

Я села и вопросительно посмотрела на Радужный. Водопад проигнорировал тему, а вездесущий Риан – нет.

– Решила побродить, – заявил он вполне утвердительно, отзвуком моих мыслей возникая в дверном проеме. – Тогда тебе в Карн, по любому начинать следует оттуда. В ближайший город, глянуть что и как, на первый раз ни во что не вмешиваться. Кота оставишь у меня, это не обсуждается! И еще: до похода закончим с делами и ты выслушаешь все мои мудрые отеческие наставления.

Последняя неделя июля. Риннарх Тарпен Карн

Риннарх Тарпен Карн смотрел на береговую линию с бор-

та «Акулы», которую так и не покинул на обратном пути. Доброй души капитан снова управлялся один, он отослал боцмана и пару вахтенных на винно-бордовую галеру. Нужно же и морякам отдохнуть душой, наблюдая, как гребут сухопутные крысы Карна. Юркая некрупная галера Индуза с превосходной парусной оснасткой, умело использовала и весла, нахально издеваясь над тяжелым, почти исключительно гребным, со старомодным тупоносим корпусом проекта двухсотлетней давности, судном Карна. Имея втрое больше гребцов, бордовая махина едва ползла.

За двое суток пути любопытные прибывали туда каждые шесть часов, еще сильнее тормозя продвижение пары судов. Команда «Акулы» уже покупала места в шлюпке, и цена росла с каждым заходом, поскольку шансов посмотреть на упорный и бесплодный труд неумех, неправдоподобно убогих для выросших рядом с океаном жителей Архипелага, оставалось удручающее мало. Силье жестко требовала, чтобы морские волки не только смеялись, но и учили гвардейцев хотя бы самому простому. Она уже дважды лично побывала на княжеском корабле в сопровождении заметно ожившего Риннарха, неизменно по причине очередного экзотического обеда, якобы ставшего случайной причудой трудолюбивого повара. Интересные у князя повара – точно знают, что именно оценит Силье, будто готовили для семьи Кормчего не один десяток лет. Хотя что им оставалось еще делать под чутким руководством методичного до тошноты второго капитана гвар-

дии, вооруженного списком блюд с дополнительными пометками и ложкой для снятия пробы? Взгляд князя выдерживают не многие, а от пристального внимания его милости капитана Крёйна крупные мурашки ползут по спине и у всех остальных, самых толстокожих. Может, по званию Ларх всего лишь второй капитан, но едва ли найдется желающий проверять границы его полномочий.

Крёйна князь встретил во время охоты, у кромки северных болот, двенадцать лет назад. Вдвоем они с огромным трудом отбились от крупного медведя-шатуна, и с тех пор иногда лениво спорили, кто кому спас жизнь. Угрюмый юноша остался при своем мнении, ставшем полгода спустя причиной появления Ларненна во дворце Карна. Переименованного ради удобства произнесения в Ларха. Внешность и манера двигаться обеспечили ему прозвище Рысь. Звериные желтовато-зеленые глаза невысокого квадратного северянина, принадлежащего к почти вымершему за два века невзгод береговому племени туннров, с тех пор пристально изучали посетителей князя, взвешивая их право на жизнь и покой. О наличии у Крёйна чувства юмора знали лишь двое – Риннарх и его первый капитан Лемар Тэйлан, сейчас оставшийся контролировать дела в столице. Впрочем, морское путешествие навевало на Ларха воспоминания юности, делая его более мягким и покладистым, если не слишком пересаливать крабовый паштет и с первого раза подавать шашлык на ребрах среднепрожаренным, с мягким соусом из восемнадцати

трав, как и указано в пометках.

Князь же откровенно радовался приятному обществу и удивительно хорошей погоде без дождей и туманов, установившейся неожиданно надолго. Он даже отважился говорить без оглядки на этикет и смеяться в полный голос. Слава богам, это не дворец. Вкусы Силье изучить было непросто, зато угождать ей оказалось удивительно приятно. Невозможно давно ни одна женщина не решалась смотреть на князя так откровенно изучающе и даже чуть насмешливо. Хуже – едва ли не покровительственно. Дочь Кормчего оценила, со своей стороны, ум и обаяние князя и его искренние уважение и признательность. Силье, что для нее было не характерно, даже не возражала против комплиментов Тарпена.

Тогда, в каюте синего флагмана флота Кормчего, он не надеялся на столь странное и позитивное продолжение переговоров. Потому что разговор о рабах, конечно же, состоялся. И помнился очень живо, до последнего слова.

В каюте Кормчего повисла неприятная вязкая пауза.

Силье крутила ножку тонкого бокала чеканного серебра с отделкой из сапфиров и жемчуга. С выбором вина князь ей действительно угодил. Более того, Рыбья кость прекрасно отдавала себе отчет в том, что не стремится к ссоре и готова признать его искренность. А своему чутью она доверяла вполне обоснованно.

Адмирал резко поставил бокал на столик, расплескав

остатки вина. Ему не нравились и разговор, и напиток. Князь Карна знал все его возражения и готовился пережить проигранный первый раунд.

– Вы вывели в океан галеру, чтобы поговорить о мире? Это злая насмешка, сосед. Мир для нас тесен, потому что ошейники ваших рабов душат мое горло.

– На корабле нет рабов. Только личная гвардия.

– Мой адмирал, это правда, – вступилась неожиданно бронзовокожая любительница выдержанных вин, – они так паршиво гребут, что не дают повода заподозрить в них моряков, пусть и подневольных. Хочешь, я проверю?

– Нет.

– Выслушайте меня, Кормчий. Я пришел говорить о том, о чем молчу даже с собой наедине, и это трудно. Поверьте.

– Поверить не обещаю. Но – говори.

– Первый раз я попытался изменить порядки в Карне двадцать с лишним лет назад, едва получив венец. Я был молод и лез напролом. В результате за ничтожный срок лишился всех иллюзий, хуже – утратил самое дорогое, мою маленькую дочь, которую и видел лишь однажды, и любимую жену. Выжил сын, Артен. Марна успела на короткий миг прикрыть его, сожженная окаянными, а друг спрятал. Я выучил тот урок, стал осмотрительнее, злее – и отомстил. Они в свою очередь не простили и навсегда восстали против меня, готовя другого князя. Но второй раз меня поймать непросто, сами видите: в конце концов, я все еще жив, хотя они ста-

раются изо дня в день. Многое можно было переменить, но подросла моя сестра. Окаянная, и к тому же Адепт. Дважды наследница проклятого Атираса-Жи – по крови и способностям видьи.

– Тебя пожалеть? – в сварливом голосе адмирала уже не звучала угроза.

– Понять. Катан-жи жаждет власти, которую может обрести через брата. Сейчас они уехали на восток, в закрытый горный поселок, где воспитывают и тренируют окаянных. Малыш Го хочет тайком от меня взять жену из их числа. Вдвоем с Жи эти стервы рассчитывают свести меня в могилу. И сведут, если я вынужден буду воевать на два фронта. Мне нужен мир. Мир и поддержка.

– Архипелаг не может выступить против окаянных, – тихо ответила Силье за отца, – такое уже было. Давно, при моем пра-пра-прадедушке. История ночи, когда горели корабли, а люди не находили спасения даже в воде, до сих пор вызывает ужас.

– Я не прошу так много. Возможно, Вы...

– Хватит выкать, – буркнул Лайл Бэнро, поднимаясь с дивана, – и оставь кислятину девчонке. Я налью тебе рома, потому что разговор получается невеселый. Хотя мир тебе, может, и будет. Что с того?

– Может, ты знаешь, где на суше или в океане уцелели Говорящие с миром? – не в силах скрыть волнения задал вопрос, ради которого и вышел в океан, князь. – Мир наш на

границы больших бед. Пострадавший менее соседей Карн гибнет, сама природа разрушается, распадается. Я не могу не видеть, князю ведомо больше чем прочим. Еще немного – и...

– Прости, князь, – адмирал снова устроился в подушках, прихватив бутылку. Хлебнул прямо из горлышка, игнорируя гневный взгляд фиолетовых глаз. – Говорящих с миром больше нет. Когда я был молод и правил отец, я искал их с немалой эскадрой на юге, у берегов Обиката, неведомых тебе. Этот барк был построен не для боя или торговли, а для поиска. Он видел берега жарких влажных лесов Мзиари, где люди черны, как демоны, и малы, как дети. Стоял на якоре в виду подпирающих небо хребтов Ака, народ которых желт и чужд наших обычаев. Мой старший сын водил «Упорный» во льды Шемита. И все зря. Где-то о них еще помнят, как о древней легенде, а в иных местах и память уже погибла.

– Я не верил.

– Искали и прежде. Пробуем до сих пор. Надежды нет. Что еще ты хочешь получить от океана?

– Оставь у себя моего сына. Скажем, заложником мира. В Карне ему не жить.

– Юнгой к Силье... твою сухопутную крысу... за жалких две бутылки вина? Ну ты и наглец! Ты рабов покупаешь дороже.

– Если дело только в вине, – осторожно улыбнулся Риннарх, – то мы сговоримся.

– Вопрос в доверии.

– Отец, я решила, – опять вмешалась Силье. – Сам предложил мне юнгу, теперь не спорь. Я провожу нашего гостя до порта. Загружу «Акулу» вином, приму обещанного юнгу, и тогда мы узнаем, насколько честен с нами князь.

– Не смей! Ты знаешь...

– Вот именно. Сам сказал – вопрос в доверии.

Корабли обогнули мыс Сигнальный, увенчанный маяком. Церемониальная галера теперь шла первой, хоть и совсем рядом. С высокого синего борта гвардейцам насмешливо советовали не глушить веслами рыбу. Еще рекомендовали искать океан снизу, а не сверху. Кричали, что, как ни странно, порт приближается, вопреки всем стараниям гвардии Карна, потому что приливное течение сильно и оно побеждает.

На рейде, в виду пустых пирсов, «Акула» бросила якорь, а князь и Силье снова перешли на «Златокрылый», просигналили на берег о доставке вина со складов. Учитывая мореходный опыт галерников, подвезти запрошенное должны были как раз к концу швартовки.

Так и вышло.

Вот только помимо сына с охраной, груза бочек и бутылей на причале у трапа Риннарх с неприятным удивлением обнаружил пару окаянных из портового гарнизона. Чуть поодаль рыскал встревоженный городской голова в сопровождении начальника порта. Князь знал – эти и против окаянных по его слову стражу поднимут, но до беды доводить хо-

роших людей – последнее дело. Подозвал обоих, указал на «Акулу», ожидающую поодаль знака к швартовке или отходу из порта, и подтвердил ее права на груз. На галере приняли сигнал, – все же швартовка – переложили руль и осторожно двинулись к причалу, чтобы встать рядом со «Златокрылым» и принять вино. В это время окаянные в своих жутковатых балахонах ступили на трап княжеского судна.

– Я не приглашал вас, можете быть свободны, – ровно приказал Карн.

– Наш долг быть здесь, – поклонились обе, не сдвинувшись с места. – У женщины редкой силы дар, мы его заметили с берега, издали, она должна следовать за нами.

– Она не принадлежит Карну и не может стать причиной войны. – Князь шагнул, вставая между Силье и видьями огня. Новость его не удивила, он ожидал чего-то подобного. – Вопрос закрыт.

– Ваша светлость...

– Моя. Милостью богов Карна, – холодно подтвердил Риннарх. – Обе – немедленно вон. Можете не уточнять, что сообщите о моем решении сестре. Я тоже с нетерпением жду ее скорого возвращения.

Окаянные поклонились, пряча бешенство в тени шляп, и пошли прочь, двумя темными кляксами пятная залитый вечерним солнцем настил. Силье чуть слышно вздохнула и

вдвинула клинок в ножны.

Погрузка прошла быстро, и на закате «Акула» покинула порт, увозя молоденького юнгу с обгорелым голым черепом и смертной тоской во взгляде. Словно, уходя на галере, он предавал отца.

Риннарх Тарпен Карн считал совсем иначе. Сегодня он впервые за двадцать лет будет спать спокойно.

4 – 6 августа, Тиннара

При каждом шаге мох упруго спрессовывался, ласково щекоча свод стопы, пропитываясь прохладной влагой, на миг наполняющей след, и снова распрямлялся, стирая отпечаток и стряхивая воду с мелкой гребенки листочков-игл. Время от времени я нагибалась, срывая на ходу несколько особенно крупных и наглых ягод переспелой черники. Болото имело дурную репутацию, близко от него не селились, так что прятаться чернике под листьями было не от кого. Комары взвивались жадными смерчами, обнадеженные редкой поживой, зудели над головой слепни, сплачиваясь в голодный колокол, но жалить сnavь не спешили – чуяли, что я тут не чужая.

Уже вчера характер болота стал меняться с коварного на все более покладистый. Опасные топи, гнилые непролазные

трясины остались за спиной, местность плавно повышалась, деревья разгибались и заметно прибавляли в росте. На редких гривках появились чахлые сосенки, робко пробующие место. По старой памяти, не иначе... А я все брела самодельной тропой, сотканной недавно обретенным даром, в местах, где пробраться иначе никак невозможно, а где возможно хоть как-то пройти – и это случалось все чаще – хлюпала и чавкала по вязкой, но вполне преодолимой грязи.

Впереди, на горизонте, сгустился темной тучей вековой лес. Еще одна ночевка, и я выберусь на окраину обжитого Карна, так рассказывал Риан. Он вообще собирал меня очень серьезно и нервно, повторяя по несколько раз вперемешку ориентиры пути, основные законы княжества Карн, названия городов, принятые приветствия. Видно, если ни с кем стоящим и не разговаривал в последние два века, то уж на месте не сидел. А насмотревшись на обновленный Карн, теперь панически боялся меня отпускать. Правда, и не отговаривал, хотя во взгляде иногда мелькала тоскливая обреченность, словно я ухожу насовсем. Успокаивать не имело смысла, фальшь он чувствовал сразу, а мне самой было до дрожи тревожно и тяжело на сердце: встретить друзей я не надеялась. Карн уже несколько поколений жил, безнаказанно используя рабов. Души его жителей безнадежно покрылись коростой злобы и ненависти. Торговля живым товаром, публичное и бытовое унижение стали нормой, как, кстати, и всеобщая подозрительность к любым чужакам. Карн дичал и

злюбился в кольце недругов, им же и созданном. Свою лепту вносили окаянные, признаваемые теперь жрецами новой веры. Они благословляли, судили и карали за отступничество.

Имеющих дар ждали дополнительные проблемы: окаянные питались их силой, и доноров доставляли отнюдь не добровольно. Хорошо хоть, меня они опознать не могли, прошедшая посвящение снавь дар держит под контролем и силой направо-налево не расшвыривается. Лишь несостоявшиеся снави, не прошедшие в сон через серую мглу и вопросы-ответы капризного зеркала, заметны огненным. Они словно светятся, окруженные живым сиянием, и, как утверждает Риан, опознаются видьями на расстоянии до полуверсты, если дар силен. Не знаю, я таких пока не встречала, но увидеть хочу. А для этого буду честно стараться оставаться невидимкой для служителей Адепта, способных обнаружить и снавь, едва я использую свои возможности для серьезного дела. Масштаб и заметность проявления я уже вполне могу оценить, так что буду стараться не нарушать конспирацию. По словам Риана, неосторожную снавь наверняка засекали на гораздо большем расстоянии, чем обычную одаренную. Вспышку звезды-дара можно заметить за полный дневной пеший переход, измеряемый двадцатью местными верстами. Я, кстати, утомляюсь теперь очень медленно и двигаться способна заметно быстрее. Приятно.

Отшельник одарил меня старинным кинжалом в потертых кожаных ножнах, коробом плотно упакованных трав и

настоек, в том числе высоко ценимых за редкость, и небольшим количеством самородного серебра, переплавленного в прутки мерной толщины. Их использовали как деньги, укорачивая прут по мере расхода. Он же придумал мне легенду. Очень простую и немного шаткую, но на другую времени не хватило: я сирота, потомственная травница, уроженка Карна, бродящая по лесам без дома и отдыха. Теперь выбралась с юга и иду в город продавать, что засушила, хочу взять там приличную цену, потому что по мелким селениям платят совсем плохо.

Имя, привычное для Карна, мы выбирали вместе. Риан сказал, что «происходить» мне следует из северо-западных земель княжества: там почти невозможно отследить родословную. Да и народ перемешан густо: жители Архипелага, туннры, амитцы, коренные карнийцы. Очень кстати то, что моя внешность вполне позволяет сойти за карнийца и туннра.

Памятливый айри одно за другим бросал имена, а я придирчиво морщилась – Милетта, Фомис, Риготта, Ританна...

Наконец сказал со вздохом: Тиннара. Я привычно замотала головой, уже втянувшись в ритм – «все не то». И торопливо закивала еще сильнее – то есть да, то самое, не надо новых вариантов. Хорошее имя, звонкое и живое.

Покосилась подозрительно: небось сразу знал, что выберу. Он ловко не заметил взгляда. И перешел к новому этапу подготовки.

Очередной клубок, смотанный неугомным долгожителем из собственных воспоминаний, обеспечил меня сперва традиционной головной болью, затем, после новой порции фирменного отвара, и знанием всех ведомых Риану трав, мхов, деревьев и прочего растущего, а заодно бесконечным набором лекарственных премудростей многих поколений.

Сначала меня удивляло, как легко названия предметов и явлений этого мира поселились в сознании, переплетаясь с прежними ассоциациями и не путаясь. Вот хотя бы черника, рассуждала я, отправляя в фиолетовый рот еще несколько ягод фиолетовыми до локтей руками. Если разобраться, не совсем и черника получается. В том мире она помельче, зреет раньше и вкус имеет более пресный... кажется. Уже не помню точно.

Или дуб: точно есть разница в узоре листа, но беспокойства в сознании не возникает. Дуб – могучее дерево, раскидистое, вековое. Он там был таким, он здесь ощущался мною именно дубом. Приняв мир как родной, я приняла и названия, придуманные людьми для явлений этого мира. Наверное, похожее состояние испытывают дети, с младенчества говорящие на двух языках.

Проблемы возникали, когда аналогии обрывались, поскольку дело касалось не соответствующих моему прежнему опыту обстоятельств. Возьмем хотя бы местную денежную систему. Я с большим трудом поняла соотношение стоимо-

сти монет разных металлов, имеющих одинаковые названия. Деньга могла быть золотой, серебряной, медной, и все одно – деньга. А кроме нее в ходу те самые прутки серебра. Нет, лучше обходиться без денег! С ценами продажи природных богатств на рынке полный мрак. Как я ни старалась, не разобралась, но надеялась списать малограмотность на свое дремучее происхождение.

А еще мне было до слез обидно. Как могло в этом благополучном мире, живущем под присмотром одаренных, взреть большое зло? Конечно, люди – они все разные и за долгие века истории неизбежно найдется хоть один мерзавец: не только умный и расчетливый, но и просто – везучий... Снавей всегда было откровенно мало, на месте они не сидели. Относились к ним, как сказал Риан, по-разному в разных странах. Где-то почитали и уважали, в иных местностях завистливо присматривались, а порой и избегали. Люди не любят непонятного. И еще – они очень быстро привыкают к дармовому благополучию: позвали снавь – и здоровы. Пошумели – и хлынула война без большой крови. А чего это стоит одаренным, многие и не думали. Ох, будет время, я с ними разберусь. Надо бы закон прописать или некий «договор», ограничивающий как право одной стороны звать без крайней нужды, так и глубину вмешательства другой – то есть снавей. Потому что очень хочется верить: все будет хорошо. Они вернуться.

За размышлениями дорога продвигалась легко, к вечеру

я достигла леса и взбодрилась: после трех дней тяжелого болота оказалось особенно приятно пританцовывать на теплом песке, заплетенном сухими мхами и ласковыми травами, ощущая кожей нагретые солнцем за день стелющиеся по поверхности корни. Тем более босиком, поскольку обувью я, понятное дело, так и не разжилась.

Липы и дубы росли просторно, со слабым подлеском, опускающим лощины. Закатное солнце изредка пробивало лес узким, почти горизонтальным багровым лучом, словно прощупывало бдительно, выискивая непрошенных чужаков в самых тайных логовах.

А вот и охранник! На холм неправдоподобно беззвучно для такой махины выдвинулся матерый секач, два аршина с лишним в холке, первый рыцарь местных турниров. Хрипло вздохнул, буравя низинку недобрым взглядом и нервно поводя клыкастой мордой, особенно внушительной при эффектной багровой подсветке. Я вежливо поклонилась, приостановившись. Он был великолепен.

Осознав, кто я, и оценив мое искреннее восхищение своим бронированным могуществом, рыцарь признал мои права на пребывание в лесу действующими и с хрустом развернулся, наплевав на конспирацию. Кого бояться здесь ему, несравненному. Я чуть улыбнулась, этот лес, похоже, тоже имел вполне заслуженную дурную репутацию. Природная сила мира Релата окаянных не жаловала и отторгала. Едва ли сюда решится прийти хоть один из них. Потому и выкорче-

вали-выжгли до последнего ствола напоенный гневом и памятью Утренний бор. Он им не покорился. Остался грозным и неприступным, даже погибнув и став топким болотом. Такие мысли сильно улучшили настроение, подорванное тревожным ожиданием встречи с людьми. Может, найдутся для меня союзники и в Карне.

Прежде я очень хотела чувствовать подлинное отношение людей к себе, видеть ложь собеседника, безошибочно оценивать его намерения. Теперь я могла все перечисленное. Хуже того, делала это без малейших усилий. Сбывшееся желание создало новые проблемы и породило тяжелые размышления. Как жить в городе, где люди унижают и убивают людей? Как, если я буду чувствовать и тех и других, но не смогу ни остановить, ни помочь. Каждому отдельно – не смогу. Только всем вместе, если пойму, как. А для этого надо научиться существовать в городе. Я сжала кулаки и сердито тряхнула головой. Не если, а когда. Нет у меня права на «если». Потому что исправлять будет совсем уже некому.

Солнце прощально окрасило розовым единственное крошечное облако на чистом небе, словно помахало платочком: до завтра, славь! Я улыбнулась и помахала в ответ. Славью быть замечательно. Для меня день всегда – солнце. Я чувствовала его и теперь, когда оно обратило свой взор к землям далекого западного заморья.

Воздух уплотнился и сразу помрачнел, наполнился влажной туманной дымкой, сгустился, делая почти осязаемыми

гулки шуму пробуждающейся сумеречной жизни. Я нырнула с головой в теплую, чуть душноватую ночь. Реальность и сон перепутались, словно пойманные и перевитые одной паутинкой, и я скользила в густой росистой траве беззвучно, не осознавая своего веса, почти утратив чувство времени, упиваясь слиянием с бором. Снави могут отдыхать и так, не тратя времени на сон и получая новые знания от живого, а не сонного мира. В Карне я учиться не собиралась, по крайней мере, первое время. Слишком рискованно, ведь люди бывают наблюдательны не в меру. А значит, даже не жалящие меня комары тоже иногда проблема.

В нескольких десятках метров от опушки, за которой чуялись непаханные и некошенные веками луга, я устроила предутренний привал, давая отдых ногам. Сон был короткий, но глубокий и темный как осенняя вода, без сновидений. Я проснулась с мыслью о людях и осознала их присутствие, еще не раскрыв глаза. Нет, не рядом. В лесу меня врасплох не застать, на отдых я решила именно из-за людей. К первой встрече надо быть бодрой и отдохнувшей. Вчерашний знакомец, бдительный секач, следовал за мной в непрошеном дозоре всю ночь, наплевав на личные дела. Переживал. Бродил, пока я спала, тенью обходя самим же установленный охранный периметр.

Теперь, убедившись, что я проснулась и сама за себя могу отвечать, тяжело вздохнул с чувством исполненного долга и потрусил обратно в родную чащу. Он тоже чувствовал запах

дыма далекого костра и от человеческого соседства радости не испытывал.

Дождавшись, пока рыцарь леса, мысленно произведенный мною в лихие бароны, удалится, я закинула на спину котомку с травами, решительно поправила кинжал и двинулась в сторону костра. Утро казалось зябким, хотя виной тому были мои взвинченные нервы, а не забеливший воздух молочный туман. Он-то был отрадой и защитой: землю напоит, погоду прекрасную на весь день оставит, от чужих глаз укроет.

На опушке у костра расположились трое селян. Они жались к огню, явно знакомые с дурной репутацией бора. Почему же не обошли стороной? Двое дремали, нервно вздрагивая от каждого шороха. Третий помешивал вкусно пахнущую кашу в подвешенном над огнем котелке и караулил. В поле сонно щипали траву две низенькие лохматые лошадки, так за ночь и не отошедшие от загруженной и увязанной дерюгой телеги далее пары десятков сажений. (Раньше мерила метрами. Мир берет свое...) При такой траве далеко идти не надо. Картина выглядела мирной, да и бор за спиной обнадеживал. Если все выйдет криво, им меня не найти и не догнать. Значит, вряд ли эти путники мне опасны.

Решив так, я, делая петлю, вернулась в лес и направилась снова к огню, старательно шелестя ветвями и изредка хрустя сухими сучьями. Ну вот, другое дело. Меня заметили. Все трое, подобрав разбросанное вблизи огня крестьянское ору-

жие – пару топоров и кнут, обреченно ожидали неминуемой беды. Владелец кнута мне сильно не понравился. То есть как враг, такого никому бы не пожелала. Среднего роста, сухой, собранный, очень спокойный и, поверьте чутью снави, готовый, в отличие от спутников, убить меня на месте. Он бы предпочел увидеть дикого зверя. Одинокая женская фигурка стала приятным сюрпризом лишь для двух «топорщиков». А кнут, хоть и лег в траву первым, угрожать мне не перестал. Интересное село наверное, раз скотину у них пасут подобные воины.

– Утро доброе, – поклонилась я, выбравшись из зарослей и используя в первый раз «легенду»: – Меня Тиннара зовут, травница я, а вовсе не зверь лесной, уважаемые. Меня рубить вроде незачем.

– Место недоброе, – расслабляясь и привычным движением отправляя топор в звонкий чурбак, хрипловато буркнул старший, массивный и рослый рыжеволосый мужчина средних лет с обманчиво ленивыми движениями и быстрыми, чуть прищуренными голубыми глазами. Он огладил недлинную бороду слегка дрожащей тяжелой рукой и мешком осел на свою лежанку. – Что это тебя в одиночку по Гнилому лесу носит, девка? Иль не одна пришла?

– Травы дикий лес любят, – охотно пояснила я, невольно чуть подлаживая говор. – Может, одной и неудобно, но сюда идти – попутчиков не больно уговоришь. А где еще сребролиста набрать, и не скажу. Да его ли одного.

– И давно ты, эта, бродишь? – включился в разговор молодой караульный, присаживаясь снова к огню и подбрасывая пару сучьев.

– С весны. Одичала уже в лесу, – усмехнулась я, потом хлопнула по коробу, спущенному на траву и добавила: – Зато ведь не напрасно.

Мужики посовещались и быстро пришли к выводу, что угрозы для них я не представляю. Больше того, может стать-ся, даже окажусь полезной. Приветствовавший меня первым был старостой зажиточного и довольно крупного, хоть и безнадёжно окраинного и глухого, села Агрис, что в тридцати верстах отсюда. Назвавшись Римахом, он разъяснил задыхающейся скороговоркой, что с весны маялся кашлем, совсем потерял надежду получить помощь дома и вынужден среди лета ехать в город к хорошему лекарю, присоветованному надёжным приятелем купцом. Ночной горе-караульщик, совсем молодой паренек, с выцветшими под солнцем до застиранной белизны мягкими волнистыми волосами и грустными карими коровьими глазами на простоватом безусом лице, сопровождает дядю по требованию своей матери, старшей старостиной сестры. Третий попутчик, неожиданно смуглый на фоне спутников, с резкими чертами лица и настороженным взглядом чуть исподлобья, представился как свояк владельца половины деревенского стада. Он де увязался за компанию, прицениться в городе и, если цены хороши, поискать покупателя на сельский скот на осенней ярмарке.

Бросив заинтересованный взгляд на мой груз, староста Римах сообщил, что готов доверить свое здоровье незнакомому специалисту, пообещав взамен завтрак и даже, может быть, место на телеге до самого города.

Я с благодарностью согласилась, очередной раз порадовавшись своему везению. Теперь, глядишь, и не придется брести одной по незнакомой дороге, чтобы потом сложно и долго объясняться со стражей у городских ворот. Раз на одной телеге едем, уже не чужая, и особых подозрений едва ли заслуживаю. Да и привыкать к людям пора, а селяне мне глянулись сразу. Особенно Римах, степенный, но совсем не заносчивый, с живой хитринкой во взгляде, делающей его моложе лет на десять. Если бы только не одышка и тяжелая желтоватая бледность, серьезно беспокоившие мое чутье. Спутники слушались старосты с полувзгляда. Тот снова огладил бородку привычным жестом, чуть повернувшись к родственнику, представленному как Ермил, и возле костра появился чурбачок для меня, а подле него – плошка с кашей, переданная Годэем, третьим попутчиком. Такие же порции получили остальные.

Миска старосты почти опустела, как он внезапно поси-
нел, уронил ее и завалился вперед, в костер, скрученный приступом удушливого хриплого мучительного кашля. Ермил успел подхватить разом отяжелевшее тело, я вцепилась с другой стороны. Накрылась моя поездка, уверенно сообщило чутье, окончательно опознавая недуг голубоглазого ста-

росты. С таким здоровьем в город не ездят. Точнее, не доезжают.

Оттащили, уложили на торопливо развернутую овчину. Видимо, подобное происходило не впервые, оба спутника старосты действовали слаженно. Ермил придерживал дядькину голову, Годей торопливо доставал флягу. Я принялась к запаху сложной настойки... на вскидку – точно, можжевельник, потом липа, донник, и, кажется, бедренец. Может, еще что-то, но общий смысл понятен, отхаркивающее и противовоспалительное, приготовленное деревенским лекарем. Старательно, из лучших трав, частью закупленных специально. То есть в нашем случае – мертвому припарка. Пока, впрочем, пусть пьет, хуже не станет.

Римах наконец вздохнул, откинулся на руки заботливого племянника, выглядящего зеленее дяди, и отыскал меня взглядом. Ох, слишком умен этот староста! Лицо его чуть дрогнуло и помрачнело. А я пока еще ничего не сказала, да и верить мне, незнакомой, причин особых нет. Только наитие, и оно у нашего больного тоже имеется.

– Можешь не молчать, сама видишь, не все еще мозги выкашлял, – буркнул староста чуть вызывающе. – Считаешь, не простуда? Вот и я так думаю, хотя очень неприятные получаются мысли. Все прикидывал, стоит ли в город соваться, если сам вижу к чему кашель. Потому здесь и заночевали. Думал, в лесу поживу немного, сколь осталось. Если тлень,

то и недолго. Город тут не поможет. Как глянут да и объявят – в Агрисе зараза. Пока разберутся, кто больной, кто здоровый, – пожгут полсела.

– Не заразный вы, это скажу сразу, – помолчав, ответила я, лихорадочно перебирая в голове подходящие травы. – Так бывает. Себе опасны, другим нет.

– Еще скажи, что от этого лечат, – насмешливо, скрывая глупую надежду, вскинул голову Римах.

Я чуть пожала плечами и уселась, обхватив руками колени. Я могу его вылечить, но хотелось бы без чудес обойтись. Вот только как, если у него от легких одни клочки остались.

Бадан? Есть в котомке, но уже поздновато, – только для поддержки сгодится. Как и пастушья сумка, толченые гусеницы акри, зеленец кудрявый... Я мысленно перебирала свои запасы, все более расстраиваясь. Сребролист – настоящее чудо, но увы, не для этого случая. Тут нужно что-то легендарное, вроде свежего жив-корня. Особенно, если его нашептать вдали от любопытных глаз и подкрепить теми травками, что я перечислила раньше. Правда, сначала надо корень найти. Я решительно поднялась и начала распаковывать свои запасы.

Солнышко выглянуло из-за горизонта и с любопытством ощупало лучом разноразмерные берестяные емкости, разбросанные возле кострища. Если честно, жив-корень тоже не даст почти ничего. Наверняка. Сердце болезненно сжалось.

– Годей, я вас попрошу помочь, вы тут самый вниматель-

ный и спокойный сейчас, – я наконец расставила короба с травами как надо. Смуглый скотовод присел напротив, безмятежно глядя мне в глаза.

Надо же, а он действительно успокоился. То есть раньше готов был меня убить, а теперь слушает сосредоточенно и доверительно. Надеется на помощь. Больше того, уверен, что я помогу. Староста ему дороже, чем племяннику? Раз поехал, зная о болезни, наверняка. И, похоже, меня поначалу сильно опасался... скорее, подозревал. Вот только в чем?

Ой, плохо быть тугодумкой! Смуглый, невысокий, темноглазый, к тому же занимается скотом. Если он не илла хотя бы по одному из родителей, то я урожденная Мейджа и сегодня же выйду за князя Катан-го по большой взаимной любви.

Видимо, безмятежное и непроницаемое выражение на лице мне еще тренировать и тренировать. Пока же эти беспросветные лапотники из глухого села читали меня, как рекламный плакат крупного формата. Ну как мне в город-то соваться?

– Определить его болезнь с одного взгляда очень сложно. Я бы сказал – невозможно. Для травницы, – Годей заговорил в первый раз с момента встречи и даже слегка улыбнулся. – Значит, нам тебя бояться так же глупо, как тебе нас.

– Дари, ты о чем? – не отстал от старших племянник старосты, хлопая своими длиннющими линялыми ресницами. Он по-прежнему обнимал плечи Римаха, бережно придер-

живая дядю.

– Ну, тебе достаточно знать, что дядю она вылечит вернее, чем городской лекарь. Если еще можно что-то сделать, – ответил Годей, сочувственно глядя на «теленка». – Не переживай, лучше сходи за водой и собери еще дров. И скажи Иртэ, пусть идет завтракать.

Я тихо заледенела от имени, столь похожего на то, из рассказа Риана. Случайность? Или они что-то помнят?

Когда обрадованный скорым исцелением любимого дядюшки Ермил удалился, помахивая туеском и что-то напевая чуть ломающимся юношеским голосом, Годей-Дари обернулся к старосте. Тот чуть приподнял бровь: «Ты уверен?» – и получил ответный кивок. Да-а-а... Интересные селяне живут в благодатном Карне, особенно на окраинах. Малограмотные, тупые, забытые и пользующиеся рабским трудом второй век подряд. Предрассудки, накопленные мной за две недели подготовки к походу, смущенно потеснились – до более подходящего случая.

От повозки тем временем подошла гибкая тоненькая девушка. Посмотрела на меня огромными печальными глазами мадонны, застенчиво, из-под невозможно длинных ресниц. Словно чуть стеснялась своей неправдоподобно совершенной внешности. Коса смоляная до колен в руку толщиной. Щеки персиковые, с легким румянцем. Вот она, смерть парней молодых и искушение мужиков до ста лет поголов-

ное. Хрупкая, прозрачная, словно из слоновой кости мастером вдохновенным выточенная. Запястья тонкие, руки движутся с грацией крыльев. Так и хочется ее от чего-то спасти. Ну хоть шалью укутать, чтоб не простудилась. Личико младенчески чистое, словно росой только умылась, глаза иссиня-черные со светлыми сизыми лучиками, разрезаны чуть наискось, к виску, сияют, завораживают. А фигура совсем уже не ребенка...

Поклонилась приветственно, с царственной грацией склонив головку и приложив ладонь к груди. Положила в ложечку остывшей каши и села возле Римаха, тревожно примечая признаки миновавшего приступа на бледном лице старосты. Понятно, почему ее прятали: эту красавицу за местную и слепой не примет. Илла, про таких Риан мне говорил «южная кровь». Без ошейника она вообще не имеет права покидать хозяйский дом. А вот сидит себе, доверчиво глядя на Дари, словно он сейчас все исправит, и все будут здоровы.

Мне вдруг очень захотелось посетить Агрис. Годей тяжело вздохнул и снова приготовился слушать мои указания. Ну и что мне с ними делать?

– Вы считаете, что у меня есть дар? – тихонько уточнила я очевидное.

Иртэ замерла с ложкой в руке, Дари уверенно кивнул, староста поморщился, устраиваясь поудобнее и ожидая продол-

жения. Точнее, приговора. Он чувствовал себя омерзительно, терпел боль из последних сил и знал, что даже дара для исцеления наверняка мало. Потому что поздно. Теперь готовился принять мое честное подтверждение худшего.

Не дождется. Где они еще найдут такого старосту?

– Как далеко отсюда до большой торговой дороги?

– Верст тридцать, – прикинул Дари, несколько озадаченный вопросом.

– Ближе люди могут быть?

– Нет... то есть вряд ли. Да и на дороге в это время пусто, лето – нет торговли.

– Вряд ли – это не наш случай. Надо двадцать верст, но точных. Бери лошадь, грузи этого рыжего покойника, захвати продуктов немного и сообщи его племяннику, чтоб не ждал нас раньше завтрашнего вечера. Здесь детей неразумных никто не обидит за сутки?

– Люди сюда не ходят.

– Зверям они не интересны. В лес только пусть глубоко не забираются.

Дари пожал плечами, выражая легкое удивление, и отправился за лошадыю. Ирэтэ поставила плошку и принялась деловито собирать в дорогу продукты, вынимая лишнее из лежащего чуть в стороне от кострища мешка с припасами. Староста следил за сборами с растущим интересом. Кажется, он усомнился в своей скорой кончине, едва я назвала его по-

койником. И теперь, получив надежду, весь так и лучился любопытством. Если и травы, и дар беде не помогут, что же такое затеяла странная девица?

Я присела рядом и аккуратно провела рукой по его рубашке на груди, стирая боль, потом довольно послушала пульс. Дышать легче не стал, но сердце успокоилось, лицо снова порозовело. Пока хоть отдохнет от боли. У него сегодня лучший день за последние пару месяцев, это точно.

Солнце еще не оторвалось от горизонта, когда староста забрался в седло, Дари принял поводья смиренного невысокого конька и мы углубились в лес. Иртэ стояла у кострища и махала нам вслед, тихонько глотая слезы. Агрис, точно, самое странное село в Карне. Я им так и сказала. Оба остались довольны и предложили мне подробности. Говорил Дари, староста сопел хрипло и согласно, иногда вставляя пару слов.

После того, как загубленная Рельва диким зверем рванулась в Карн, искать новое русло, окрестные поселения были смыты подчистую, а немногие выжившие устроились пережидать большую воду на самых высоких в округе холмах, оказавшихся севернее новой реки, прозванной Мутной, отрезавшей край от торных дорог. Время было беспокойное, и отсутствие соседей беженцы сочли за благо.

Постепенно люди обжились, отстроили Агрис. Непросто заработать на хлеб, а тем более с маслом, когда пухнувшее год

от года северное болото дышит сыростью, сгнаивая на корню посевы и огороды. Прирастить пашню за счет удобных сухих холмов запада невозможно – там окраина Дикой пущи, а это княжеские земли, корчевать никак нельзя. Про Гнилой лес на востоке вообще лучше не заикаться. Скот разводить не получалось как по причине отсутствия опыта и породы, так и из-за тех же обступающих село лесов, в которых без меры расплодились волки. Уже к третьему поколению переселенцев земледелие пришло в большой упадок, и ветшающее от бедности село стало заметно пустеть, люди подались в обжитые внутренние области страны.

Тут бы холмам и задичать, но вышло иначе.

Ушлый выборный староста, предок Римаха в пятом колене, благодарно поминаемый до сих пор Урмис, сельский голова, сообразил, что илла – урожденные скотники. Из этого простого утверждения он сделал выводы, приведшие Агрис к современному благоденствию.

Собрав последние сбережения с немногочисленного населения, Урмис отправился в ближайший город, куда ехали теперь и мои попутчики, в Дарс. Рабский караван он застал в пути, на дороге от восточных гор к столице, близ развилки на Дарс. Там и купил самых дешевых илла, забитых в колодки за попытки побега строптивых недокормышей.

Дождавшись, пока караван скрылся вдали, Урмис разыскал среди новоприобретенных пару ребят, достаточно свободно понимавших язык Карна. Им он изложил свои взгля-

ды на жизнь. Голова сообщил, что в Агрисе рабы не нужны, сторожить их некому, да и кормить особо нечем. Зато нужны толковые работники, чтобы развести породное стадо. Как это сделать, какой покупать скот и как его на торгу выбирать, где пасти, как зимовать, чем спастись от волков, – селяне не знают. Изложив все, Урмис сделал такой вывод: собирайтесь домой, – скатертью дорога, держать не стану. Пойдете со мной – отработаете за год свою ничтожную цену и живите в селе, как все живут. Найдутся еще вполне крепкие брошенные избы, только чуть подновить.

Илла думали недолго. Дома их ждал голод, близкая зима обещала верную гибель, а дорогу в степь перекрывали сперва заставы карателей, а потом еще более смертоносный многодневный путь по выжженной пустыне. Все вместе, уже по общему согласию, новые жители Агриса обсудили перспективы разведения скота на северном берегу Мутной и отправились на осеннюю ярмарку покупать молодняк.

Так и стоит с тех пор село в стороне от торговых путей, прошедших другим берегом, южнее. Живет своим странным укладом. Рядом Гнилой лес, с запада нависает Дикая пуща, с севера подбирается из низин коварное болото.

Власти Карна про одинокое село вспоминают раз в год, когда получают с него положенные подати. Ради подобной мелочи сборщики отродясь ног не мочили – день только на переправу в один конец – и времени не тратили. Лет двадцать назад они подъезжали к реке, куда на лодках вывозили

собранное в уплату: скот, шкуры, зерно, копчености. Теперь стало еще проще. Премудрый староста подрядился платить в городе, после осенней ярмарки, и деньгами, а не продуктами.

Так что последний раз представителя властей в Агрисе видели пять лет тому назад, когда видьи проводили очередной поиск одаренных. Три дня все смуглые илла покорно носили ошейники, а хлебосольный староста угощал нежеланных гостей и деловито покрикивал на «рабов».

– Мы живем неплохо, – закончил Дари. – За других, кого каждый год гонят по дороге из степи, мне и больно, и страшно. А еще стыдно за себя, не способного ничего изменить. Только в селе уже все детьми обросли, за своих боимся не меньше. Не станет покоя в Агрисе – идти нам некуда. В степи жить теперь нельзя, там ад. Меня самого привели по этой дороге двадцать лет назад, знаю о чем говорю. Я тогда двух с половиной пудов не весил, от ветра качало, год меня откармливали всем селом, думали, не приживусь.

– Я тогда молодой был, – прокашлялся Римах. – Гнал с ребятами стадо на продажу. Этот стервец чуть меня не удушил, даром что еле живой. Как раз во второй побег ударился, да ночью на нас напоролся. Дари нам дешево обошелся, надсмотрщики скидку хорошую дали за мой помятый вид. Решили, я его лично прибить хочу.

– Ты не похож на степного жителя, – поделилась я очевидным наблюдением. – По крайней мере, не как Ирэтэ.

– Я полукровка, мама из предгорий Тучегона, их совсем немного осталось живых от народа северных брусков. Там еще страшнее, чем у нас. Раньше были болота, холмы, текла река. Старички говорили, хотя кто теперь упомянет наверняка, что три четверти вод Золотого моря собирались с северных болот. А теперь вьется под ветром седой пепел, земля без капли влаги тлеет под ногами. Совсем жить нечем. И еще есть желоб, окаянными сваренный из песка, как стекло – по нему и течет вода, чтоб не все рабы передохли.

Разговор оборвался.

Не знаю, о чем задумались мои спутники, а я себе сделала зарубочку на память – про болота мне Риан не говорил. Я тогда еще удивилась немного, что Золотое море одной рекой наполнялось. Конечно, нет. Были потоки и помощнее Рельвы. Только долгожителю, видно, Радужный змей роднее прочих источников. Потому Рельву он и считал главной рекой степи. Священной. Наверное, в чем-то он прав, но и болота высохли не сами по себе. Надо сходить за Тучегон, это, похоже, северный хребет, и посмотреть, что демон придумал там. Весь мир опоганил, мерзавец, теперь попробуй этот узел развязать...

Но узел – потом.

Пока надо заняться более посильным и срочным делом, легкими Римаха.

Солнце готовилось перевалить за полдень, усердно при-

пекая макушку даже сквозь густую листву, но воздух вопреки безоблачной жаре заметно посвежел и повлажнел, намекая на приближение бездонного Гнилого болота. Отмахали мы верст семь. В глубине леса звуки отдавались глухо и тревожно, мрачнейший бор смотрел на чужаков косо и явно неодобрительно. Возможно, мои спутники притихли, именно почувствовав глухое недовольство, звенящее в воздухе. В Карне про Гнилое болото хорошего не говорили. Мимо Радужного прошла бы самая короткая дорога в степь, если бы топи согласились кого-то пропустить.

Не согласились, и рабский тракт прошел севернее, седловиной между самых южных отрогов Змеинового хребта.

Дари подобрал узду покороче, конек шел вперед неохотно и нервно стриг ушами. Пора выбирать место для работы, не то к вечеру заявится мой знакомец, лесной барон. А я, возможно, буду не в самом светлом самочувствии. Если без сознания свалюсь, после заката ребятам плохо придется. Надо поторопиться.

– Зашли далеко, – подтвердил мои мысли Дари. – Неуютно тут.

– Полянка подходящая, – кивнула я, – стели шкуру, сажай нашего больного. Коня брось, он сам от людей не отойдет, ему тоже неуютно. Тут правее ручей по лощинке течет. Воды набери. Ту, что сейчас в мехах, вылей, она хуже.

– А мне что делать? – почти сердито спросил Римах, на-

званный больным и томящийся сомнениями. – Я ж не бревно какое, сиднем сидеть!

– Рубаху снимай и загорай, – хмыкнула я. – Пока воды не принесут, не болтай мне под руку. Я, между прочим, никого не пробовала лечить от чего-то подобного. Мне себя уговорить тоже надо. Страшновато первый-то раз.

Вернулся Дари, чуть запыхавшийся. Видно, бежал и туда, и обратно. Опять за старосту переживает, вдруг да загрызли рыжего лютые звери? Не загрызли. Оттягивать дольше дело стало невозможно. Руки предательски дрогнули. Обведя поляну взглядом, я нашептала без звука несколько мыслей. Чтоб звери не бродили рядом, не беспокоили нас и сами не волновались. Потом обернулась к Дари. Хоть бы голос слушался.

– Будешь мне помогать. Держи его так, полусидя, руки подсунь со спины в подмышки. Если скажу, поворачивай плавно, не трясги, и голову на плечо себе устрой. Скорее всего, потом мне будет плохо, но это не опасно. Главное, Римаха укутаешь, уложишь на спину или на правый бок. После этого меня водичкой отольешь и обязательно оставь вдоволь пить. С поляны в любом случае ни ногой, пока я не очнусь. Все, пора.

Стоило чуть расслабиться и повести руками, настраивая нити нервов, связывающих меня с этим миром, как он от-

крылся, радостно впуская сnavь. Беспокойство и сомнения покинули меня, страх порвался легко, как тончайшая паутина под руками. Болезнь старости теперь была видна совершенно отчетливо, и я даже улыбнулась, все оказалось не слишком трудно. Кроме того, если не сознание, то уж чутье точно знало, что и как делать. Кропотливо, бережно, малыми силами. Едва ли окаянные, окажись они даже на опушке, способны сейчас ощутить мою работу.

Я подплыла к старосте и устроилась рядом, мягким движением отсылая его в спокойный сон. Руки легко касались в воздухе незримого, собирая и дополняя картину болезни. Как говорили в моем старом циничном мире, все беды от нервов. Особенно у хороших людей. Большое Римахово сердце таило скорбь.

– У него есть сын?

– А то, два, – Дари заметно вздрогнул от моего вопроса, – Тамил да Мирах.

– Старший давно болеет?

– Деревом спину перешибло прошлой зимой, – совсем тихо проговорил мой помощник, уже не скрывая растущего удивления, – как раз начал строить дом для своей будущей семьи.

– Простыл староста ваш, а потом так и не оправился. Горе его гложет. Винит себя невесть в чем. С таким самоедством он заново болячку найдет, и похлеще этой. Думаю, что-то

приключилось еще до беды с сыном. Он, часом, не был против брака?

– А то! Еще как, – усмехнулся Дари. – Сыну старшему в тот год по осени как раз тридцать исполнилось, а Иртэ не было шестнадцати. Она сирота, живет у Римаха с младенчества приемной дочерью. Как узнал, наследника любимого выгнал под зиму со двора. Кричал, что девочке жизнь ломать не даст, что она сама должна выбирать, а ума по малолетству не нажила пока. Что Тамил ей братом рос, да вот каким злодеем себя показал. Всем селом старосту урезонить пытались, помирить с сыном, только без пользы. Тамил тоже характером в отца, уперся – не своротишь. Ушел из дома, принялся строить себе избу. Ему все помогали, а вот как вышло криво. Даже руки у парня с весны почти не работают, лежит пластом. Как Римах с руками-то беду заметил, так и стал прикашливать. Дальше – хуже. Я боялся, обоих до листопада похороним. А что еще с девочкой будет...

Дари замолк, почти не обращая внимания на происходящее вокруг, но старосту держал крепко, бережно. Еще пару минут такой прострации, и все будет просто замечательно. То есть мои действия останутся незамеченными. Постепенно его сознание вернулось из мрачных лабиринтов сельской трагедии на поляну.

Надо было усыпить обоих, чтоб ему! Чуть не отпустил спину пациента от неожиданности. А чего я хотела? Он еще

хорошо держится для такого неординарного зрелища. Как раз в это время я деловито выщипывала застарелые сгустки слизи, крови и полуразрушенной плоти легких, вскрыв межреберье под грудиной.

Еще несколько минут на сращивание тканей и размещение обновленных легких в здоровом, расправленном виде. Все, пожалуй. С чего это я собиралась падать в обморок, интересно? Работа оказалась легкой, даже не вспотела. Видимо, учусь пользоваться способностями. Немалыми, прав был Риан.

– Клади его на бок. Вот и ладно, путь поспит еще немного. Полей мне воды, – попросила я слегка заторможенного Дари.

Он молча выполнил требуемое. Потом умылся сам и тихо присел, где стоял. Я аккуратно довела вынутую из старосты болезнь до состояния пепла. Довольно глянула на солнышко, все еще высокое и ясное. Быстро управилась. До ночи можно поспеть назад, к оставленной без старших Иртэ, если, конечно, как следует поторопиться.

Отобрала у замороженного до неподвижности ледяной статуи Дари меха, напилась и вылила остатки воды на голову. Хорошо-то как! Какого я красавца из бледного покойника слепила. Душа поет. Лечить – это наслаждение, а не работа, когда результат видишь сразу, и он такой неоспоримый.

Можно будить старосту.

И тут статуя оттаяла на мою беду. Ладно бы он, выйдя из

шока, попросил вылечить Тамила или высушить болото. Хуже и проще: этот наглец буднично сообщил мне свои несбыточные надежды, словно я была его личной, честно пойманной с третьей попытки, золотой рыбкой. Он не думал плакать или бурно радоваться, нет. Просто погрузился в тихую и твердую веру, которая хуже любого горячечного фанатизма.

– Ты славь, настоящая. Значит, я еще увижу, как цветет степь...

И что я должна была сказать? Стояла, глупо уставившись в темные, безмятежные болотно-серые глаза этого сумасшедшего и молчала. Он терпеливо ждал. Староста завозился, постепенно возвращаясь из счастливого сна. Надо бы этого Годя сразу протрезвить, махом. Чтоб жил как прежде, без глупых надежд. Но сказать ему «это невозможно» я не смогла. Пообещать исполнить – ну, сами понимаете, куда там.

В общем, вся история с Рианом самым банальным образом повторилась в урезанном формате. Я села и рассказала коротко и без деталей, как слабо я знакома с этим миром, и как трудно что-либо изменить. И еще, как мало я собрала информации о том, что и где менять. Думаете, помогло? Лично я не надеялась даже, я ведь реалист. Просто попыталась, для очистки совести.

– Надо всем миром взяться, – раскатисто донеслось со

шкуры. – Нам уже все одно потесниться некуда. Земля не родит, не мы, так дети-внуки последними в мире окажутся. Дари прав, тут следует на большое дело замахиваться, а не по мелочи силы на старых скандалистов вроде меня тратить.

Надежда – очень заразная штука, и от нее я лечить не умею. Да и не хочу. Видно, придется прогрессивным сверх всякой меры жителям Агриса участвовать в нашем заговоре, которого нет в помине. Пока же староста поднялся на ноги и довольно прошелся туда-сюда, шумно пыхтя сердитым ежом и демонстративно поводя могучими плечами. Довольно кивнул, признавая полное выздоровление, и деловито принялся собирать свою лежанку.

Дари поймал конский повод, и все мы пешком направились на далекий пока закат, к той полянке, где недавно встретились чужими еще людьми. Мало мне было одного Риана, теперь приходилось выслушивать полезные сведения от двух новых доброжелателей. Ох, не того я боялась, выходя в люди.

– Окаянных вообще-то совсем мало, – назидательно вещал прорезавшимся звучным баском Римах, – в крупных городах по двое, а то по трое, и только-то. А главная у них, Адепт то есть, это младшая княжна, упырица та еще, как и братец ее родной. Говорят, убивец он. Старший-то, наш нынешний князь, им родня только по отцу. Не скажу, что светом наполненный, но и не без понятия мужик. С западным

Архипелагом слышал, вот-вот замирится, казни прилюдные отменил, сестре воли большой не дает.

– Оттого и ждет покушения что ни день, – кивнул Дари, – Говорят, младший княжич решил в жены одаренную девицу взять. Напоказ, для князя, у него имеется знатная невеста. А кроме нее припрятана еще одна девица, окаянная. Это не трудно: бабы на него так и липнут, дуреху подходящую нашел давно, дар ее от брата в тайне держал. Вдвоем твари вредные, сестра его с новой женой, старшего княжича в эту же осень до могилы доведут. Тогда всем станет хуже некуда.

– Не доведут, – улыбнулась я, – у Мейджи, невесты княжича, оказалось, дара нет. Так что надо им новую невесту искать, по любому дело времени потребует.

– Хорошо, – довольно кивнул Римах, словно это я расстроила опасный брак. Он был благодушен, доволен своим звучным голосом и болтал без умолку, явно радуясь заодно и отсутствию одышки. – Значит, наше дело сейчас – проводить тебя до Дарса. Я к лекарю загляну, чтоб не без повода ездить. Дари про скот выяснит, как собирался. А ты к городу попривыкнешь. Там без компании трудно по первому разу. Страшная жизнь в Дарсе, едят друг друга людишки и не давятся. Город поганый, живет каждую осень рабским торгом. Съезжаются туда гниды всякие, а толковых людей работающих и нет почти. Не то что в Гирте, положим. Там городской голова – это Голова, а не лизоблюд храмовников безголосый.

Правда, как гвардию к нам поставили, полегче дышится. Уже пятый год пошел, как устроил их в казармах капитан Крёйн, что приезжал от князя. Кто Рысью его зовет, а кто просто зверем. В городе его пуще Адепта боятся, потому разговор у него короткий. Как вцепится – только от трупa и оттащат, и хоть ты князь, хоть ремесленник, – ему без разницы.

– Нет, не подумай, – усмехнулся моему ужасу Дари, – Он никого руками не рвет, мечом не рубит. Хуже, нудно допрашивает, роется, подробности выясняет. Дотошный и спокойный, ничем его не проймешь. А потом имущества лишает, в столицу увозит иль тут казнит, если вина велика. И спорить, деньги сулить, плакать и молить бесполезно, за ним князь, а у того верa лишь своим. Всю зиму Рысь жил в городе, к весне бывало, что при получении записки с приглашением к Крёйну в обмороки падали и яд принимали. Может, и нельзя было по-другому. Прежде у городских ворот что ни день – или казни, или трупы. А на площади особый помост для прилюдного наказания рабов, и всегда не пустой, доски от крови не просыхали. Мы скот продавали через перекупщиков, чтоб только в город не ходить. Мерзость одна. В первую зиму при Крёйне уже казней не стало (странно, выше Крёйном пугали: страшнее Адепта... и вдруг – похвала? Так какой он все же?).

– Нищих тогда славно подвинули, там шпион на шпионе. Храмовников в казармы загнали. Эти вовсе мерзавцы, но в городе теперь они не указ. А еще «веселых домов» позакры-

вали половину за «публичное наказание». Это закон новый, князем изобретенный.

– Очень занятный закон, – кивнул Дари. – Принят «с целью утверждения семейных ценностей и ограждения детей от кровавых зрелищ». Вот как! Теперь раба нельзя казнить за любой мелкий проступок, тем более публично. Да еще одевать надо хоть как, чтоб сохранить пристойность. Запутанные правила, любого содержателя грязных заведений можно со свету сжить, если взяться. Этот Крейн рыжее нашего Римаха, и такой же оказался упрямый, он теперь раз в год навевывается, смотрит. Обычно к торгу рабскому, чтоб о княжеских указах как следует помнили.

– На площади только и остались корчмы убогие для мерзавцев всяких, и те опасаются сильно шуметь, – кивнул Римах. – А знать до того стала семейные ценности беречь! Прямо от рабынь хорошеньких шарахаются. Окаянные было встряли, но они сами первые додумались проклинать жен за неверность, вот и затихли. Правда, жрецам и стражам все дозволено, но не прилюдно.

– В городе не вздумай в храмовый квартал заходить, его видно, там огорожено, – назидательно продолжил Дари. – В охрану к видьям ведь не силой сгоняют, там отборные бойцы, отказавшиеся от прежнего рода, семьи и имени, признавшие полную власть жрецов над собой. Зато над прочими безродные князьями себя ставят, от безнаказанности прямо пьяные. Страшно там. А уж что бывшие рабы творят, став

храмовниками...

– Мы как на рынке осенью стоим, в «Золотом роге» живем, хозяин больно знатный, с понятием. Рядом есть и попроще заведение, «Бычий хвост», для селян прямо и пристроено. Ты запомни где ночевать, если без нас.

– Тин, только долго в первый раз там не оставайся, даже не думай, – предостерег Дари, успевший попутно сократить мое имя до прозвища. – Сиди тихо, ни во что не лезь. В Дарсе очень сильная видья, старая и опытная. Уедешь с нами дня через два. А дальше – как пойдет.

– Не стану загадывать, – кивнула я. – Все одно, не сбудется как придумаю.

До опушки добрели уже в темноте, почти на ощупь. Мне было легче, ночное зрение и чутье теперь – просто кошачьи. Я их и вывела напрямиком к огню, взметнувшись едва не в рост человека. Перестарались наши робкие костровые.

Иртэ с Ермилом сидели, плотно укутавшись одним пуховым пледом. Дрожали не столько от вездесущего липкого тумана, сколько от зябкого ночного страха, пробиравшего обоих до костей. Одни, на краю Гиблого леса, полного невнятных опасных звуков, в самых мрачных предположениях о судьбе ушедших в глушь старших.

Нас они слышали загодя, но напугаться еще сильнее не успели. Римах издали взрыкнул по-хозяйски насчет ужина, и племянник торопливо заплясал у огня, собирая припасен-

ную снедь. Иртэ бросилась в чернильную тьму за круг света костра без раздумий и с невозможной скоростью повисла у старосты на шее. Теперь она плакала уже не таясь, и без причитаний, молча, тише тихого. Роняла крупные слезы и слушала, уткнувшись носом в плечо, как отец дышит – без хрипов, глубоко, спокойно. А вскоре, успокоенная, уже спала, свернувшись у него на руках клубком.

Я недовольно покосилась на этого доверчивого котенка. Зачем ее-то в город тащить?

– Отошлем обоих поутру, – ответил на невысказанный вопрос Дари. – Она с отцом увязалась, думала больше и не увидит, отказать было невозможно. Иртэ с виду тихоня, а упрямее всех троих рыжих мужиков в доме. Я так считаю, Тамил вообще в этой семье самый безвинно пострадавший. Девочка в серьезном вопросе против отца слова не молвит. Он для нее бог.

– Скажи опять, будто она эту любовь бессовестную закрутила, – сердито буркнул староста, взъерошив бороду. – Одна баба в доме, дел по горло, да и ребенок она сущий...

– А то, – Дари устало кивнул, явно приводя доводы в сотый раз, – по весне ей дурно было, так Тамил с ней сиди, с ложки корми, на руках носи: отец велел, строго приказал. А кто отца слезно просил? Глазищами хлопала невинно, чистый младенец... Да бедный парень бегал от нее пол-лета, по дальним пастбищам прятался. Потом уже и от себя бегать

начал, в купцы подался.

– Он ее вдвое старше, – буркнул Римах без особой уверенности. – Думать должен был головой... А с товаром его я послал, пора от лаптей отвыкать. Село стыдодеею собирался передать.

– Уважаемый отец, вы вообще на нее когда в последний раз внимательно смотрели? – фыркнула я. – Да ваши сыновья небось устали оглоблями махать, женихов от младенца отваживая.

– Теперь это без разницы, отмахались некоторые, – буркнул староста совсем тихо и потерянно. – Пусть за кого хочет идет, я устал от споров, не могу больше. Да и толку... Я, дурак, думал, передам дела Тамилу через год-другой, да и поживу тихо. Рыбку половлю, на внуков порадуюсь. А теперь что – один из лесу не выходит, эдакий, вишь, великий охотник, бобер ему любой бабы краше, другой... Ну зачем ты меня вообще вылечила, а? Жить как, если все сам своим языком поганым я один и натворил?!

– Нормально жить, – без сожаления попрощалась я с идеей посещения Дарса в ближайшие дни. Агрис куда интереснее, да и дело для меня там есть. Срочное. – Буди этого ребенка невинного.

Дари тихо хихикнул и, как всегда понимая окружающих без слов, повел конька к телеге. Запрягать. Все равно спать сегодня сможет только непрошибаемый Ермил, хлопающий

глазами в полном недоумении. Ужин он давно собрал, а есть никто вроде и не думает. Ладно, дядька здоров, – уже мать обрадуется. Парень почесал в затылке и этим оригинальным способом занес в голову полезную мысль: надо пойти помочь Дари с лошадьми. Там хоть понятно что делать, и польза от работы видна. К тому же Годей никогда не скупился на простые объяснения, с ним поболтаешь, и все по местам расставится.

Иртэ проснулась легко и, гибко выпрямившись, села, прижавшись к старостиному плечу щекой. Снилось ей что-то хорошее, до сих пор улыбалась.

– Иртэ, к тебе есть один вопрос, – решила я определить все разом. – Отец согласен выдать тебя за любого, кого ты выберешь. Ты выбрала уже или мы тут столько времени дурью маемся зазря?

– За Тамила, – спокойно улыбнулась маленькая мадонна. – Па, ты действительно больше не возражаешь?

Смотреть на старосту в этот момент было и смешно, и поучительно. По его, обычно сдержанному на мимику, временами чуть хмуроватому лицу сейчас стоило бы обучать самых бездарных балаганных комедиантов. Первым номером он показал немое изумление с падающей челюстью и картинным жестом «Люди добрые, да как же это?». Потом был монолог карася: ни звука, зато глаза из орбит ползут, как при всплытии с глубины.

Остальные картины фарса я досматривала из положения лежа, согнувшись от хохота и часто смахивая слезы, чтобы не пропустить ничего – растерянность, недоумение, детская обида, поиск поддержки, осознание, самобичевание в грубой форме и комичное отчаяние: «ну хватит тут ржать, бессовестные». Бессовестных было к концу уже двое, Дари присоединился почти сразу. Ермил прибежал чуть позже и, добросердечно пожалев дядю, всунул ему в руки кружку с травяным отваром.

Пока староста пил, Иртэ смотрела на нас почти с отчаянием, все еще не смея поверить, что сказанное – сказано, и отец не рассержен. Годей оказался очередной раз прав. Для старосты она была маленькой девочкой, сама же возражать ему не смела ни в чем. Рта открыть не решалась: он мудрый, добрый, родной. Он все делает правильно. Всегда. Оттого бедняге в голову не приходило, что ее любовь к Тамилу, очевидная для всего села, не замечена отцом. Предположить, что свадьба может оказаться под строгим запретом, тоже было немыслимо. Когда так и произошло, послушная дочь снова молчала, не смея расстроить грозного родителя. Опять надеялась, что он, такой мудрый, и сам в конце концов поймет. Если бы он хоть раз спросил ее прямо!

Меня подмывало задать еще один вопрос, и я не смогла удержаться:

– Послушай, идеальный ребенок, а если бы папа отдал тебя за другого парня? Так и пошла бы молча, послушно? Или

Тамила бы женил...

Она грустно глянула куда-то мне в коленки и отвернулась. Ну вот, теперь и я во всем виноватой себя кляла. Можно подумать, я каменная, и смогу смотреть спокойно, если девушка снова плакать начнет. Откуда такие фарфоровые недотроги в этом селе?

Оттуда... Я буквально увидела вокруг Иртэ трех рыжих мужиков с медвежьими повадками, зверски рыкающих на любого обидчика маленькой мадонны. Тихие слезы хрупкой девочки не каждый выдержит, особенно здоровый удалец, способный заслонить сестру или дочь от любой напасти. Наверное, даже комары облетали ее усерднее, чем меня. И жила она тихо и счастливо, бойкая, веселая, уверенная в себе и в доброте окружающего мира. Только от одного не смогли заслонить ее в семье старосты. От ею же невольной вызванного разлада меж трех медведей...

Иртэ посидела несколько минут, глядя в темноту. И зачем я заставила ее выбирать, кто всех дороже? Невозможный это вопрос, жестокий и неправильный. Может, заплачет и отмолчится? Нет. Обернулась, посмотрела на отца неожиданно прямо, обреченно и совсем без надежды. Даже чуть отстранилась.

– Я без него жить не буду.

Приплыли, как любил говорить мой давний знакомый. Римах всплеснул руками и вцепился в многострадальную

бороду. Дари тяжело вздохнул, он, похоже, как всегда знал ответ заранее. Я подобрала шаль, укутала эту сельскую драгоценность и повела к телеге. Ну вот, теперь плачет. И опять тихо, чтоб никого не расстроить.

Странный мир.

Я уже могу или научусь вскоре менять в нем многое – погоду, течение рек, рост леса и жизнь людей. Но в то же время от меня ничего не зависит. Словно все робкие человеческие планы тщательно правятся кем-то сверху, более умным и добрым. Ну что ж, спасибо ему. Разве думала я встретить в Карне таких жителей?

Смотреть на Дарс и прежде не хотелось. Туда я еще попаду. А вот увидеть загадочного рыжего жениха, переупрямившего наконец старосту, да на своих ногах, да рядом с невестой... Хороший будет день. Настоящий подарок, никак мною не заслуженный.

10 августа. Адепт Катан-жи Ранх Карн

Катан-жи Ранх Карн въезжала в восточные ворота дворца на закате, когда солнце уже покинуло свой пост и позволило сдвинуть на затылок тяжелую жаркую шляпу, расстегнуть плащ. Дорога из горного селения далека, она выводит в степь и вьется рабским трактом вдоль гор до перевала, затем через

Дарс – на стольный Тэйкарн. Две недели обратной дороги в пыли, поту и грязи. Две недели тупого неизбежного бешенства: путь проделан зря, время потеряно впустую. И наконец столица.

Ранх ехала, сопровождаемая братом и небольшой дорожной свитой. Все буднично – два приближенных служителя, трое Теней, пять вонючих полудохлых одаренных с бритыми клейменными головами, в высоких воротниках с ее личной бляхой, – вдруг потребуется заемная сила. Само собой, телохранитель брата, бессмысленная гора мышц, слуги, десятков храмовых стражей. И, конечно, неизменный ее телохранитель Эрх, темной скалой возвышающийся в седле своего мохноногого массивного коня. Как они все надоели за месяц!

Брат спешил первым и уже крался за спиной, думая исчезнуть незаметно, ему все еще кажется возможным иметь от нее тайны. Как обычно прельстился выветленной до обожаемого им белокурого тона семнадцатилетней дурищей из числа придворных дам. Давно его эта восторженная дрянь ждала и ведь укараулила! Ничего, Ранх всех помнит, зря высокородная Эмис вписала свое ничтожное имя в список должников княжны. Там немного имен еще живых провинившихся.

Бросив повод рабу, Катан-жи поднялась в свои покои. В зале приемов ждали видьи. Давно, судя по сонным лицам и мятым мантиям, и уже прижились на ее любимом ковре. Вон

и скучный обед на столике. Ранх поморщилась: им что, не дали новых одежд? Кто вообще размещал этих вонючих провинциалок во дворце и почему допустил в каминную залу в ее отсутствие? Младший советник Теней, наверняка, решила она, мысленно внося это имя в список должников даже прежде знатной Эмис и одновременно приглашая вскочивших при ее появлении огненных остаться. Эти не рискнут беспокоить без повода. К тому же, судя по знаку портового города Гирта, привезли они очередной привет от князя. Что теперь? Как некстати эта ничтожная дрянь, Мейджа, оказалась бездарной! Все можно было закончить к осени.

Катан-жи дождалась, когда расторопный Эрх сдвинет ставни и задернет тяжелые бархатные шторы. Закат отгорел, но так привычнее и спокойнее. Да и глаз лишних не будет. Взмахом руки затеплила свечи, разожгла дрова в камине. Другие скажут, что летом и так тепло, но ее грыз холод невыпленного бешенства. Накопилось. Трудно успокоиться, если хочется согреться. А лучшее средство – выжечь хоть кого одного, ведь в памяти так много застоявшегося ледяного яда воспоминаний. Та же дрянь Мейджа, ее бестолковые идиотки-наставницы, нерасторопные слуги, ленивые лошади, слишком жаркие и долгие дни без намека на тень, опять же подвернувшаяся братцу Эмис... Скинув плащ и огромную дорожную шляпу, княжна упала в кресло. Перед ней на колени опустились видьи. Рассказ был коротким, сухим, по существу. Он настроения никак не улучшал.

– Мне известно, что на островах есть одаренные. Вы правильно поступили, подчинившись князю и сообщив мне. Я довольна, – кивнула Катан-жи, прикрыв глаза.

Все сейчас отдала бы за возможность испепелить Риннарха. Увы, во дворце свои порядки. Даже она, Адепт, не может игнорировать наследное право и хитрую защиту, возведенную братом. Стоит ему погибнуть от ее руки, и князем станет недостижимый теперь ублюдок, недобитый ее предшественницей двадцать лет назад. К тому же стоит помнить и принимать во внимание проклятие первого Адепта, которое уничтожит убийцу любого из его кровных венценосных наследников. Если бы у близнеца обнаружился такой же изощренный ум, как у ненавистного князя!

– Смею добавить, Карн заключил мир с Архипелагом, – шепнула виновато старшая из жриц.

– Вполне очевидное продолжение проблем, – кивнула Адепт и знаком отослала всех. Она собиралась получить дополнительные новости от полезного человека. – Ждите моего решения. И... кто вас принимал в Тэйкарне?

– Господин Виттих, ваше сиятельство.

– Эрх распорядится, чтобы вас нормально разместили на ночь, – она поманила пальчиком раба. – Ты у нас, кажется, Теней особенно ненавидишь, почти как меня? Вот и зай-

мись. Дарю Виттиха. Хочешь, просто прирежь, а можешь и поиграть. Времени тебе до утра. Сюда никого не пускать, кроме известного лица.

Эрх Грод кивнул и с поклоном проводил пыльных провинциалок. Ранх усмехнулась. Единственный ее раб, нахально выполняющий не все приказы и еще живой. Почти незаменимый. Совершенно не приручаемый.

Но это не сегодняшняя проблема.

Что там у правящего вопреки всем усилиям ее людей братца случилось нового за месяц отсутствия Адепта? Тени доложат, но они не всемогущи, а близко к князю подобраться вовсе невозможно. Гвардия брата верна ему беспредельно. Но чем можно оплатить новую верность, иногда стоит изучать более внимательно. На опыты она нередко тратила свое драгоценное время, и не зря. Золото, страх, месть, карьера – выбор соблазнов и наград богатый. Для мальчишки Пирха из нищего провинциального рода хватило малой толики внимания, пары заинтересованных взглядов, нескольких ценных подарков со значением. Ее красота – это порой большое подспорье в дворцовых интригах.

Молодой дурак явился в дареном плаще, при букете умопомрачительно дорогих черно-багряных кнейрских роз. Розы цвета ночного пожара возят с крайнего юга Ирнасстэа на шхунах до Райса, в родном грунте. По-другому никак, слишком капризные. Небось жил впроголодь, чтобы зака-

зять. Помнится, до десяти золотых за корень, а это не более двух цветков. Она пригляделась: не иначе, продал флягу с пояса, подарок князя. Уже приятно. Даже лестно.

Катан-жи мило улыбнулась, указав юному идиоту место у своих ног. Он рухнул, шепча убогие комплименты и трепетно целуя край шарфа. Вполне занятный, наивный. Пришел не с пустыми руками. Княжна так намеренно, издевательски-примитивно, а порой и вульгарно, завлекала бедного гвардейца, что не заметить фальшь мог лишь слепой. Он и был слеп, как от ее действительно необычной красоты, так и от огненного дара, которому не нашел сил противостоять. Уже второй месяц Пирх рассказывал своей новой хозяйке все, и до сих пор никто, кажется, не ведал о его болтливости. Правда, Лемар, первый капитан гвардии, как-то странно внимательно относится к мальчику перед отъездом в горы.

Жи чуть нахмурилась. Этот пес, если вцепился, уже не отпустит, скоро придется искать другого осведомителя, а с людьми брата очень трудно работать.

Она снова нахмурилась, припомнив попытку заполучить первого капитана. Сколько ему было? Семнадцать, как теперь Эмис. Моложе этого щенка, и тогда только ставший капитаном, – ее люди удачно поймали прежнего на северном перевале у Дарса. Она думала, эдакий выскочка, любимчик князя, сочла легкой игрушкой. Ответил на первый же знак внимания, писал пылкие письма. Стыдно вспомнить, она зачитывалась. Пришел на свидание, преподнес восхити-

тельные цветы и старинное вино, тайком взятое из личных запасов брата. Пил, мило шутил, сыпал тонкими небанальными комплиментами, зеленые глаза лучились восторгом. Что-то типа: «Ты черная тетива на луке могущества, такая тонкая и легкая, а направляешь неотвратимую стрелу судьбы...» – она усмехнулась своей памятьливости. Не зря его все девицы в городе готовы на руках носить. Случая не было, чтоб не уболтал какую. Пробудил и в ней немалый интерес, обнадежил, шарфик на плечах поправил и с придыханием прошептал в ухо, что всегда предпочитал рыженьких. Мерзавец. Еще и извинялся потом без тени издевки, наивно-детски, покаянно, светски-изысканно. А Ранх лишь кивнула, обуздывая бешенство, сменила тон и сухо, деловито предложила ему жизнь. Кому же хочется знать с пеленок день своей неотвратимой смерти, очень ранней, как в случае с Тэйланом?

Он виновато улыбнулся и покачал головой: мол, не хочу стареть. Даже не задумался, и тень не мелькнула во взоре. Где брат находит таких, чем берет? Вот тот же Лемар: до сих пор нищий, дома своего и то нет, поместье отошло храму после скандала с ее предшественницей. Что ему дает глупая верность? Везет же венценосному ублюдку!

– Мне безмерно жаль, что Вы не ладите с князем, – между тем монотонно и длинно сокрушался юный гвардеец, теребя плащ. – Его холодность от забот и усталости. В душе, я

верю, он ценит и любит Вас. Разве можно не оценить столь прекрасное сердце.

– Увы, малыш, мне тоже до слез грустно от наших размолвок. Потому и прошу тебя говорить о нем. Я ведь переживаю, а он всегда таится от меня, – тихо, музыкально вздохнула Жи, обращая внимание на своего жалкого поклонника и принимая букет. Скользящий шарф сполз с плеч. – Дивный цвет, я люблю такие розы. Угодил. Здоров ли Риннарх?

– Да, благодарение богам, – воспрянул духом Пирх, ошарашенный удачей с выбором своего подарка, не способный оторвать взгляд от белоснежных рук, поправляющих ворот у глубокого выреза. Пальцы спускались все ниже, а насмешливые черные глаза следили за потерянным, задохнувшимся Пирхом. Вот уже плавно скрылись в декольте, погладили кожу, извлекли тонкий узорчатый кулон на длинной цепочке.

– Я слушаю, – капризно вздохнула княжна. – Ну, поподробнее. Будет интересно – подарю кулон.

– Не смею надеяться, – выдохнул он, не отрывая взгляд от ее рук. И рассеяно добавил: – После морского похода он бодр и весел. Вот уже много лет, по слухам, не выбирался на большую охоту, а теперь вспомнил про развлечения. Вы, наверное, утомлены дорогой, госпожа, я могу зайти потом, снова.

– Ах, пустое, – слабо вздохнула Ранх, откинувшись в подушки, – глоток воды и влажное полотенце, вот что мне нуж-

но. Там, на столике. Подай.

– Я напрасно беспокоил вас визитом сегодня, – виновато шепнул Пирх, склоняясь над полулежащей княжной с полотенцем.

– Напротив, все замечательно, – с искренним удовольствием рассмеялась заботливая сестра Риннарха, усаживая юного осведомителя рядом на диван, оживленно добавила: – Может, там, в тихом лесу, мы решим свои семейные неурядицы. Когда выезд? Я приготовлю брату сюрприз, доберусь тайком и встречу его невзначай.

– Князь собирается посетить имение рода Лигаран, затем будет прием. Зверя поднимут в последний день лета, – не задумываясь над словами, Пирх следил за движением полотенца.

– В лесах у дамбы?

– Нет, это будет уединенная охота с егерями в заречном Седом бору. – Пирх слышал об этом случайно, мельком, и лишь потому, что дежурил в тот вечер, и уже не мог помнить, что сказанное – тайна князя. Совсем рядом, задохнувшись от волнения, прекрасная Жи до боли стиснула его руку и требовательно смотрела в глаза снизу вверх. Темный огонь ее зрачков уже не отпускал его взгляда. Поправив показавшийся на миг удавкой воротник, Пирх запнулся и продолжил: – Поедет с тремя егерями. Без гвардии, даже наш капитан остается в городе...

– Малыш, – рассмеялась она, закидывая руку за голову и

распуская одним движением тяжелый узел волос на затылке, – ты и не понимаешь, как порадовал меня. Принеси теперь вина. Будем праздновать мое скорое примирение с Риннархом.

Когда бутылка опустела, веселая и раскрасневшаяся княжна плотно прижималась бедром к замершему рядом молодому гвардейцу, не верящему в свое внезапное счастье. Она щебетала о пустяках, смеялась, поправляла и гладила только что подаренную «малышу» цепь с медальоном: витые проволочные птицы с черным, ценным в Карне выше алмазов, жемчугом глаз. Уже год он втайне мечтал о невозможном, с начала лета бывал у прекраснейшей гостем... так неужели?

Его пальцы робко погладили роскошные черные кудри. Восхитительное лицо с матово-бледной, не знающей загара, кожей и горящими внутренним огнем огромными глазами оказалось совсем рядом. Приторная волна южных благовоний укутала гвардейца, вытесняя из сознания последние остатки разума. «Ну, смелей, отнеси меня», – шепнули тонкие горячие губы, дышащие в самое ухо. Голова Пирха пошла кругом, он подхватил на руки свою богиню и понес невесомое тело в соседние покои. Он лепетал что-то несвязное и до смешного привычное о своей любви, о ее ослепительной красоте и готовности жизнь отдать за подобное счастье.

Черные глаза Жи, склонившейся к его плечу, светились

холодным торжеством. Бешенство схлынуло, но утомление от длительного переезда и череды последних неудач требовало вливания свежих сил. Да, она устала сегодня, тем более приятно развлечься и позволить ему многое. Вполне забавный щенок, молодой, сильный, симпатичный и неискушенный, высоко ценимый князем, хоть и далеко не Лемар. От таких она получала настоящее удовольствие, и не только. Пирх по первому намеку радостно пообещал себя не жалеть и жизнь оплатить эту ночь. То есть сам произнес полную ритуальную фразу, подкрепляя клятву искренностью и жаром.

Пить она умела не только силу одаренных. Страстный молодой любовник, гибнущий с ее именем на губах, предавая ненавистного брата! Это куда вкуснее блеклого бульончика из зачатков дара перепуганных клейменных рабынь. Интересно, он успеет понять, что стал всего лишь изысканным ужином? Хорошо бы, последний всплеск эмоций оттеняет вкус!

А потом ее верные Тени позаботятся о теле.

Дольше оставлять в живых гвардейца не только бессмысленно, но и опасно, тайну надо хранить бережно, но факт ее разглашения оберегать надежней вдвойне, даже втройне. Завтра утром оскорбленные князем портовые видьи получат неожиданную награду, узнав об уединенном месте охоты. Именно их Жи направит за реку, дальним кружным путем, чтобы сделать забаву брата интереснее. Так славно: дурочки убьют его не по прямому приказу, а из личной мести и

примут на себя всю полноту проклятия первого Адепта. Она лишь даст им возможность. Это ненаказуемо. Пока пусть отдохнут, дело потребует сил. И, кстати, позволит захоронить еще одну маленькую тайну – ее и Го. Надо их строго предупредить: не стоит лишать последней радости приговоренного, сперва князь затравит зверя, пара дней необходима, а потом и сам станет дичью. Такой долгожданной!

Главное – рассчитать время и расставить исполнителей без ошибок и спешки, чтобы проклятый Лемар не учуял беды. Поисков убийцы Пирха благородному Тэйлану хватит на неделю, а там она придумает новое развлечение первому капитану гвардии брата, купить или убрать которого не проще, чем застать врасплох Эрха Горда.

Риннарх погибнет не от ее рук, и глупый Катан-го получит венец. А его мудрая терпеливая сестра – власть. Пора расширять владения. Говорят, нет ничего красивее горящего в ночи фрегата.

14-31 августа, Тиннара

Ворота Дарса оказались распахнуты настежь, никто под полуденным солнцем не высматривал врагов. Бдительные стражи устроились в тени северной створки, проиграв вчистую неравный бой профессиональной подозрительности

против жары и лени. Единственный не спящий и не жующий вяло приподнял голову и чуть дернул вверх вопросительно левую бровь.

На столь умеренный интерес к чужакам я никак не рассчитывала. Очередной мой предрассудок виновато развел руками и удалился в глубины сознания. Ладно, расслабляться нет причин. Я поклонилась в пояс, с чисто деревенским уважением к большому начальнику, сжимая в ладони заранее заготовленную медную деньгу, и начала бубнить заученную до скороговорки легенду, усовершенствованную жителями Агриса.

– Травница я, Тиннарой прозываюсь. Иду к лекарю Торитту, люди советовали товар ему предложить. Говорят, врачевание знает и цену честную дает. Кому еще редкие травы нужны как не ему.

Страж зевнул, рискуя вывихнуть челюсть, и, почти не вслушиваясь в монотонный текст, принял подорожную плату. Потом ткнул пальцем в ворота, целя чуть левее, и отвернулся, проверяя наличие жидкости в ближайшей кожаной фляге. Вот я и допущена в город. Босые ноги ступили на стертые камни мостовой, над головой сомкнулась тень широкой, локтей в семь, арки ворот, проплыла, мрачней с каждым моим шагом, и угрюмым сторожевым псом легла за спиной, отгораживая напрочь от ясного и спокойного августовского дня, а вместе и от ставшего родным Риана, от далекого мохового болота, напоенного туманом утреннего леса, про-

гретой пыли равнинной дороги.

Мир приугас, потемнел и исказился, зажатый в тесных городских закоулках. Вокруг закопошились как зудящие навозные мухи чужие страхи, заботы, завистливые и злобные пожелания, корыстные интересы. Ниже клубился большой страх, накрывающий боль и безнадежность. Выше мелькали редкие детские радости, дружеские приветствия, чьи-то неожиданные удачи. Слишком мало, чтобы дышать нормально. Я невольно вжала голову в плечи и, с трудом пропихивая в легкие затхлый перегретый запах города, обреченно зашагала по грязноватой улице, огороженной рядами серых домиков в один-два этажа. Квартал стражи. Надо держаться крепостной стены.

Очевидный вопрос: как я оказалась в Дарсе совсем одна?

Сама виновата. Ловко сбежала, да еще украла смирную рыжую кобылку, отпущенную с миром недавно, верстах в десяти от города. Доберется и одна домой, дорогу знает. Римак и Дари, само собой, порывались меня проводить, но первому не до чужих забот, сына женит на днях. Всем селом спешно достраивают молодым дом и готовят пир. А Годею одному здесь и вовсе не место, мало ли как все обернется.

Платежеспособного и достаточно честного лекаря мне советовали искать левее от ворот, куда и ткнул пальцем сонный страж. Жил Торитт в верхней зажиточной части города, расположившейся между впусивших меня восточных ворот и южных, более оживленных и торговых. Миновав пыльные

улицы квартала городской стражи, я убедилась, что в городе встречаются и парки, и небольшие уютные садики. Знать селилась просторно и со вкусом, к ней льнули крикливо богатые и пестрые купеческие улицы, ниже и севернее, судя по рассказам, расположился рынок, за которым теснились ремесленные слободки.

Рабы Дарса удивили меня больше хозяев. Сытые, нахальные, охотно гнущие спины перед своим господином и способные злобно травить любого слабого – от нищего до собаки. Мне, одетой не лучше купленных на торге, охотно и шумно хамили. Средних лет илла вынесла грязную воду и прицельно плеснула в идущую мимо нищенку, которую ставила много ниже себя.

Я по наивности думала спасать рабов от произвола Карна, но, оказывается, многих спасать поздно и даже не нужно. Да, они желали подняться повыше по лестнице власти, но о настоящей свободе и не мечтали! Там, в их степи, голодно и трудно. Тут, в городе, сытно, безопасно, спокойно. О куске хлеба, одежде и наградах за хорошее поведение пусть думает хозяин. Даже отвечать за свои слова и дела не надо. Появятся, к примеру, у меня претензии к хамам в ошейниках – буду разбираться с их владельцами.

Пережить открытие оказалось непросто, а новый гвоздь в крышку гроба моей наивности забили на соседней улице. Отступив к стене, я пропустила закрытые носилки знатного господина, внесенные четырьмя рабами в ворота ближнего

дома. Ворота еще не закрыли, когда молодой вельможа раздвинул шторы и шагнул на дорожку, ведущую к дому. От дверей к нему тотчас подбежал мальчик лет семи в ошейнике, упал на колени и принялся целовать ноги. Он делал это с собачьим восторгом. А хозяин виновато морщился, отодвигался и просил прекратить. Кажется, ему в происходящем было почти так же неприятно участвовать, как мне – смотреть. Пока господин шел к дверям, пацан бежал следом, у входа привычно пал на колени, помог снять сапоги и вымыл хозяйские ноги. Мой дар утверждал, что мальчик вовсе не дурачок, как показалось вначале. И он действительно счастлив услуживать и унижаться, он родился и всегда был вещью, и искренне считает себя вещью, полезной и забавной. Отними у такого рабство – возненавидит. Створки ворот сошлись с легким стуком. Очнувшись от резковатого звука, я пошла дальше. Любой мир не прост, и этот тоже. Но ведь его запутанность – не повод бросить все и бежать жаловаться и плакаться к Риану. Вот уж кому по-настоящему тошно! Ладно, попробую найти для него и для себя хоть толику хорошего в гнусном Дарсе.

Ближе к вечеру, разгрузив короб вполовину, с заметно потяжелевшим кошельком, я покинула верхний город, где почти все рабы смотрели на мой убогий пропыленный наряд с презрением, свысока. Чутье, к моему облегчению, успешно заменило умение торговаться и необходимость ориентироваться в ценах. Просто надо дождаться, какую сумму на-

зовет покупатель (или продавец) и взвесить монетки на его же внутренних весах выгоды и жадности.

Лекарь мне не понравился, и это очень мягко сказано. Не подумайте превратно, в травах понимал, сам составлял сложные и действенные мази и настойки. Платил вполне честно.

Обширная и благополучная клиентура уважала этого специалиста совершенно заслуженно. Одна беда: людей он не любил и не ценил. Шансы на выздоровление сильно зависели от толщины кошелька и положения в обществе. Меня лекарь принял весьма надменно, заставив стоять во дворе у порога, откуда молоденький раб передавал хозяину в лавку травы на пробу и обратно мне – деньги и свою долю презрения. Последние три монеты и вовсе бросил в пыль, захлопнув тотчас дверь. То есть сельской травнице место указать не поленился, получая от того немалое удовольствие.

Я приняла игру обоих без обиды, даже монетки подобрала. Но Торриту, не без ответного удовольствия, отомстила. Правда, бедняга так об этом и не узнал. Просто ни сребролиста, ни других уникальных трав из моей котомки он даже не пощупал. Для других людей поберегу. Чудеса природные на золотые монеты сухого аптекаря менять противно.

Найденный мною с заметными усилиями в тесном и кривоватом лабиринте улочек, вопреки советам не слишком добрых людей и насмешкам нищих и рабов, проход к городскому рынку открылся, наконец, за очередным поворо-

том постепенно расширившейся улицы. Солнышко красило серые стены переливчатыми розоватыми бликами. Духота и пыль потихоньку оседали, суета торгового дня сменялась вечерним запустением. Большая часть лавок уже закрылась. Продуктовые ряды стояли пустые.

Я шла и глазела, как настоящая провинциалка, забирая постепенно к хорошо заметным по пестрым вывескам постоянным дворам, разместившимся у дальнего края площади. Пора искать место ночевки. От постоянно сдерживаемого дара в голове отчетливо звенели залетные комары, доводя до окончательного отупения. Мысли стали плоскими, серыми и убогими, подстать городу. Завтра пройду по скотным загонам, будет о чем поговорить с Дари. Может, еще загляну к дешевым рыночным лекарям. Да, обязательно с утра куплю сандалии. Босиком топтать заплеванные мостовые просто омерзительно.

Мои ленивые размеренные соображения о предстоящем дне резко оборвались, когда под руку скользнула худенькая детская фигурка, вывернувшись из-за угла лавки. Я покачнулась и еще не успела обернуться, чтобы рассмотреть толкнувшего меня ребенка, наугад пока выбирая варианты от хулиганства до воровства, когда за спиной раздался вскрик и звук падения, а прямо перед носом из-за того же поворота возникла волосатая грудь, достойное украшение упомянутых скотных рядов и размером, и запахом. Рожденный ею рев был соответствующий, на низких частотах и совершенно

нецензурный. Пока дикий бык на двух ногах сметал меня к стене лавки, я узнала детально собственную позорную родословную и все ужасы короткой оставшейся жизни.

Спина уже нащупала острый кол, на каких крепили веревки с товаром в ряду с вяленой рыбой. Тут бы и окончилась очередной раз моя новая бурная жизнь, а с ней и безнадежная затея по спасению мира, если бы не Риан с его клубками воспоминаний. Тело невозможным образом вывернулось, забыв предупредить меня о своих намерениях, кол, чуть перемещенный мягкой рукой, заплел бугаю ноги. В грохоте и хрусте мы осели наземь, ломая то ли деревяшку, то ли кости. Рев стих. С двух сторон разом стали слышны торопливые, срывающиеся в бег, шаги и голоса перекликающейся рыночной стражи, спешащей к месту потасовки.

Зрелище им представилось очень занятное.

Я сидела на брюхе заросшего двухметрового дикаря, упреков колена ему в грудь, и самозабвенно орала. Возражений не было. Кто же возражает с кинжалом у горла...

– Только посмей еще слово сказать о моих родителях, мерзавец! Стража!!! Да есть в этом городе порядок, в конце концов, по рынку средь бела дня не пройти, бестолочи вонючие убить грозят, мало того, чести лишит прилюдно!

Что я несу? Ладно, главное, громко и вдохновенно, за все обиды минувшего дня. Вот и стража прониклась. Стоят, слушают с интересом, сочувствуют кому-то из нас. Только вот

хватать пока моего трофейного быка не торопятся. Я убрала кинжал в ножны на поясе и перевела дух. Сломался все-таки дрын, а гороподобный обладатель железных костей постыдно прикидывался бессознательным. Его, наконец, подняли и встряхнули. Ага, открыл глаза. Продолжим требовать возмездия, пока он не пришел в себя. Кто первый высказался, тот и прав. Я прислонилась к стене и, не сдерживая вполне настоящей дрожи в руках, всхлипнула тихонько, жалобно. Пусть сочувствуют.

– Он из-за угла набежал, кричал страшно, что убьет меня. Ла-адно, я травница, с детства по лесам да дорогам, ко всякому привычная. А другую бы до смерти зашиб. Душег-у-уб!

Бугай, кажется, меня только теперь и заметил, выпучив глаза от изумления. Потом лихорадочно покрутил головой и уперся взглядом во что-то чуть в стороне, ткнул туда обличающе пальцем и принялся торопливо лепетать неожиданно высоким, сорванным от шока голосом.

Он честно купил на постоялом дворе комнату и девку, а та укусила, потом пнула его и бросилась бежать. Ее, рабыню бесстыжую, на всю ночь запроданную, он и собирался жизни лишать. А девка совсем строптивая, у нее и на рубахе красный да белый клоки на спине, чтоб не сбежала. Потому воспитать ее должен, забить до покорности надлежащей. Право имеет, а штраф хозяину по утру заплатит. Дрянь про-

учить надо непременно, повторял он в сотый, наверное, раз, обращаясь к страже и забыв думать обо мне. В доказательство предъявил охране руку с синеющими уже следами зубов. Здорово она его, до крови.

Я обернулась и наконец смогла рассмотреть виновницу переполоха, принятую мной то ли за воришку беспризорного, то ли за рыночного шутника. Проклятый город. Искала настоящих несчастных рабов? Вот и получай. Захотелось тихонечко выть, как в день, когда я впервые услышала историю Карна.

Девчонка запнулась о палку, такой же кол, что я изломала, тормозя бугая. Падая, она о камни разбила лицо и лишилась половины переднего зуба. Щека заплывала синью, почти незаметной на перепачканном кровью и грязью лице. Но и в таком виде я прекрасно разглядела, что ей от силы лет десять-одиннадцать. Худая – одни кости. Серая ветхая рубаха, единственная ее одежда помимо кожаного ошейника с бляхой хозяина, разорвана впереди сверху донизу, висит ключьями, почти не прикрывая щуплое грязное тело.

Смотрела рабыня на нас прямо, в упор, так и не поднявшись с мостовой, потому что это уже не имело значения. Глаза – огромные, темные, с неправдоподобно длинными ресницами, совсем как у Иртэ, оказались совершенно спокойными, наполненными густой вязкой безнадежностью и осознанием скорой и мучительной смерти. Сделать больше ничего нельзя, она это знала. И ждала приговора.

– Ну и сладкая жизнь у тебя, мужик, – зло оскалилась я, – купил мелкую девку, не совладал и не уговорил, так забить можно. Что ты руки к ней тянешь, со мной не рассчитавшись! Мои проблемы побоку, или как? Да здесь одних попорченных трав на пять золотых! А про обгаженных твоим языком несдержанным моих родителей и угрозы вообще разговор отдельный.

– Много хочешь, сопля безродная, – огрызнулся он в ответ, но поддержки не встретил. Орал дурак, налетев на меня, громче громкого, слышали все. А в цене трав ничего не понимал, да и не врала я. Пришлось, поскрипев извилинами, сменить тон: – Чего хочешь-то? Денег при себе нет, потом могу...

– «Потом» – это не твой случай. Денег с тебя мне не получить, тут и думать нечего. Но вот ночь я тебе, родной, попорчу славно. Ведь... куда она тебя пнула? Ох, бедняжечка, так и есть! Тебя с такой жуткой воительницей в одной комнате все равно оставлять нельзя. – Я деловито указала пальчиком на рабыню: – Мне эта раба без надобности, но и тебе она не достанется. Иди, в одиночестве укус зализывай.

Кто-то из стражи захихикал одобрительно. Месть моя им показалась забавной, а отсутствие дополнительных претензий давало возможность замять происшествие без шума. Бугая отпустили. Ворча невнятно, он потоптался на месте, плю-

нул в утраченную собственность, промазал, от огорчения озлился вконец и понесся прочь, взяв резвый старт. Низкий рев мы услышали уже с другого конца рынка, из безопасного, далекого от стражи места. Пусть покричит. Убедившись, что порядок восстановлен и претензий никто больше не высказывает, охрана продолжила обход, прежде посоветовав мне поскорее найти спокойное место для ночлега.

Маленькая рабыня уже встала на ноги и покорно замерла, ожидая распоряжений новой госпожи. Ее заметно колотило, то ли от пережитого шока, то ли от обыкновенного голода. Бежать-то ей в городе некуда, запоздало поняла я. От отчаяния бросилась прочь, дороги не разбирая. Смерти искала? Вполне нормальный выход из безвыходного положения.

– Откуда ты взялась? – я обернулась к своей неожиданной «добыче», сунула ей платок, торопливо смоченный водой из фляги.

– Мой хозяин владеет корчмой «Радости ночи», тут совсем рядом.

– Да уж, радости... – я устало примерилась поднять котомку. – Там свободные комнаты есть? С ужином, а еще лучше – чтоб и помыться по-человечески.

– Да, госпожа. Вы получили меня до утра вместе с комнатой. Можете обменять ее на более дорогую, тогда будут ванна и ужин. Две медных деньги за все доплатить...

Я кивнула, мысленно советуя неведомому Крейнму приезд-

жать сюда почаще и рубить головы, хоть бы и лично. И некоторым – обязательно тупым топором! Тут еще работать и работать, если остались такие вот девочки, отданные в полную власть мерзавцам. Даже с правом убивать.

Илла шагала впереди, заметно прихрамывая на левую ногу. Значит, прилично колено разбила. Терпеливая она от обреченности, ко всему привычная. Кровь с лица толком не вытирает, разговаривать старается внятно, хотя губа должна болеть нещадно. Даже не морщится.

Веселая корчма встретила нас свистом кнута. Я почему-то не удивилась. Празднуют они тут, похоже, однообразно, но регулярно. Пора выбираться из города, пока я еще могу дышать. Илла разом сгорбилась и прижала к лицу платок. Она знала, кого бьют и за что, без труда догадалась я. Увы, распростертый на земле наказуемый уже почти не опознавался моим крепко сдерживаемым, но все же вполне надежным на таком расстоянии чутьем, он явно у грани потери сознания. Зато стоящий над ним... Лучше бы и не чувствовать, и не видеть. Душа его давно разложилась и сгнила, а тело наполнилось молодой злой силой. Хозяин. Неспешно, не без удовольствия потянулся, смотал влажный от крови кнут, пропуская через горсть, кивнул второму сытому ублюдку, с жадным любопытством наблюдающему за избивением.

– Вот ведь какое дело трудное, корчму-то держать, уважа-

емый Икмарил. Вы у нас частый гость, да и в рабах понимаете, вы сами жизнь мою горькую день за днем видите. Ни просвета, ни отдыха.

– Что, совсем трудный случай? – хохотнул тот, кивая на забитого кнутом.

– Не то слово, – вздохнул нашедший сочувствие страдалец, – эти двое – моя ошибка. Купил дармоедов за хорошие деньги, думал, и получу с них нормально. Парня вовсе расписывали – он, де, и охранник, и кузнец, и конюх знатный, и на кухне поваром может. А толку? Кормил, одевал. А до сих пор вложенного не вернул.

– Здоровый мужик, хорошенькая девочка – что же не так? – усмехнулся знаток, оборачиваясь к нам и бесцеремонно изучая маленькую рабыню, даже отдернул левый лоскут грязной разодранной рубахи девочки: брезгливо, двумя пальцами. – Многие ценят упрямых милашек. Через пару лет я и сам не прочь, если цену завышать не станете, уважаемый Харим. К тому времени как раз немного пообломаете. Южная кровь, хороший товар. Вот разве смотрит зло, неприветливо.

– Зло смотрит? Тупые и строптивые, ваша правда, хуже баранов. Мерзавка ведь почему вывернулась и так далеко убежала? – он крепко пнул в бок запоротого мужчину, чьи руки были толстыми ремнями прикреплены к специальным кольцам на пыточном месте. – Этот кусок дерьма клиента в дверях задержал. Ничего, выбью... Эй, шваль, иди-ка сюда.

Шагнул нам навстречу, постукивая кнутом по бедру. Мельком отметив мой убогий, не обещающий платежеспособности, вид, обратил все внимание на маленькую рабыню, разом еще глубже вжавшую голову в плечи. Завтра он ей подробно объяснит, как бегать со двора, с тоской подумала я. Ошиблась. Хозяин задумчиво глянул на кнут, явно уже испробованный на узенькой спине моей илла, чуть усмехнулся, коротко свистнул, и из дверей показался еще один раб, образцово-услужливо склонившийся перед хозяином. Чуть помолчал, вдавливая девчонку в землю взглядом. Упади она в ноги – может, и пощадит, подумалось мне. Покорности ждет. Илла упорно стояла, даже рук не подняла запахнуть рваную рубаху.

– Ямин, сейчас же отведи дрянь в квартал храмовников, пусть достойные слуги жрецов от души развлекутся. На неделю, если она протянет столько. Потом пусть забирают нищие, им всегда калеки нужны, – он выговаривал страшные слова медленно и вятно. Потом всем корпусом обернулся к девочке, ткнул ей кнутом под горло, в свежий синяк, и тут же метко наступил сапогом на дернувшееся запястье избитого раба, с хрустом вминая каблуком пальцы в щебень, и рявкнул: – А этого на короткую цепь!

– Да, хозяин, – угодливо закивал Ямин и не тронулся с места. Он знал, что это лишь крик. Попугают непослушную

девку – и отошлют назад, в общий зал.

– Эй, шваль, я и простить могу, если толком послужишь моему почетному гостю, – лениво усмехнулся хозяин, выдержав паузу. Ткнул кнутом в затихшего на земле раба. – И тебя, и этого. Правда, ты девка здоровая, что тебе? Глядишь, и не сдохнешь за неделю, если повезет. Зато будь уверена: его я сегодня, теперь же, сам и запорю, твердо обещаю. Попрощайся напоследок, уже не встретишь тут, как назад приползешь.

Хозяин медленно выпустил из горсти петли кожаного кнута, и они легли у ног девочки. Та всхлипнула и плотнее уткнулась в мой платок. Харим понял по-своему, усмехнулся довольно. «Почетный клиент» с новым интересом шарил взглядом по распахнутой дырявой рубашке. Кнутовище дернулось, как удочка опытного рыбака на подсечке, и илла судорожно кивнула, уронив платок. Я с тоской подумала, каково в Дарсе приходится Годю. Хорошо, что я сбежала одна из Агриса. Сейчас эта девочка встанет на колени и для нее навсегда погаснет солнце.

– Вообще-то я получила права на рабыню и комнату, – меня окутала ватная тишина незнакомого, рассудительного, очень трезвого и холодного спокойствия. К храмовникам ее не поведут, а любимый клиент пусть подавится. Через мой труп, как принято было говорить в прежнем мире. Только

там эти слова ничего не значили. А здесь девочку я не отдам, что бы ни было, да и парня, его ведь точно забьют насмерть.

– Права свои можешь себе...

– Стража! – негромко позвала я, не дав ему закончить. Сознание уже трудилось, изобретая варианты спасения мелкой. Спасибо вовремя пришедшему на ум Дари, познакомил с местными новыми законами, да про старые подробно рассказал. Я отыскала нужные сведения и охотно прибавила громкость: – Стра-жа, держи вора!

– Ну что еще? – нехотя обернулся ко мне хозяин, знаком отсылая услужливого Ямина.

– Я получила права на рабыню при свидетелях, трех рыночных стражниках, – совсем тихо продолжила я, намеренно растягивая внятные слова, пусть сам попробует, каково это. – Продажа товара разом двум клиентам называется мошенничеством, уважаемый. И оно уже имеет место, да к тому же при свидетеле, так что рабыню я, оплатившая первой, могу забрать, не спрашивая согласия бывшего владельца. То есть Вас. Я ее забираю, или все же сперва пригласим стряпчего торговой гильдии?

– Пусть берет, – резко посоветовал слишком впечатлительный «почетный клиент».

– Не-ет, – владелец рабыни явно вошел в раж. – Я вовсе и не продавал ее второй раз, при чем тут мошенничество? Бери комнату и любую другую шлюху. Эту я сегодня примерно накажу.

– Славно-то как! – уже не скрывая улыбки, кивнула я под тихий стон бочком отодвигающегося прочь Икмарила. – Вот теперь мы уже зовем гвардию, потому что публичное и чрезмерное наказание рабов – целиком по их части. Я не помню, что там за провинность? Кажется, быстро бегают, да? Тяжкий грех, они оценят. Зато я точно помню, что при разбирательстве жалобы гвардией Вам нужен пострадавший, а его поблизости нигде и не видно.

– Харим, не лезь в это дело, – напряженно бросил Икмарил, отступая еще на шаг. – Я тебе не помогу. Даже повторю, что тут слышал, до единого слова. С людьми князя шутки плохи, ко всему прочему они принимают свидетельства рабов. Дай этой ловкой вымогательнице, что потребует, и прикрой заведение на недельку.

– Да кто она такая, чтобы требовать? Та же шваль, нищенка бездомная, – усмехнулся хозяин корчмы, пряча за наглостью сомнение. – Не на того напала, я не из пугливых, да и защиты есть у кого запросить.

– Так и я не ищу ссоры, вы сами ее создаете. Не люблю, когда злят, и без того день не задался. От почтенного Торитта едва выбралась, все и пошло криво. Зато здесь до гвардейских казарм рядом, моя новая рабыня мигом сбегает, – вздохнула я, за плечи подтягивая к себе вплотную дрожащую всем телом девочку, обнимая тощие руки и деловито поправляя лохмотья. Управившись, мягко улыбнулась бывшему владельцу и предложила быстро: – А «шваль» берешь

назад?

– Ага.

Он глянул на меня с растущим ужасом, словно пыльная рубаха прикрывала знак тайного шпиона князя или профессионального доносителя. Впрочем, он и думал именно так. Осторожный Икмарил уже почти бегом спешил прочь. Я испытала мгновенную уверенность: одним клиентом в «Радостях ночи» стало меньше. Хозяин думал о том же, тоскливо глядя на мои грязные босые ноги: так проглядеть беду... Обреченно вздохнул, велел рабыне «сидеть тихо и не дергаться». Сквозь зубы пригласил вымогательницу пройти в ближний отдельный покой, как раз доставшийся мне вместе с рабыней, выпить вина и выслушать извинения. Я погладила девочку по голове и деловито посоветовала умыться и напоить парня, забитого кнутом. Она согласно кивнула. Харим зло зашипел: еще толком не понятно, чья теперь рабыня, а уже чужачку слушает.

За хлипкой дощатой дверью обнаружилась грязная комнатка. Я с отвращением осмотрелась. Тут вот и собиралась ночевать? Убогое ложе с парой грязных шкур, облезших еще при жизни носивших их паршивых овец; грубый стол у окна, лавка, кривой табурет, заплеванный земляной пол. Брал бы за постой с блох да тараканов – озолотился бы... Смахнула с табурета крошки и пыль, села так, чтобы видеть иллю. Интересно, они весь год живут тут с дырами вместо окон, или

на зиму закрываются от света глухими ставнями?

Корчмарь с кислым видом принес кувшин, пару глиняных грубых кружек, и мы сели за деловой разговор. Такой же мерзкий и фальшивый, как предложенное за счет заведения пойло.

Я нудно, глядя ему в подбородок, без выражения объяснила, что ценные травы достаются тяжелым трудом. Посетовала, как совсем невозможно найти в моем деле напарника; втолковала, что только правильно прирученный раб не предаст хозяина, поскольку не сможет присвоить выгоду от знания моих тайных «травных» мест. А времени на поиск живого товара нет, надо выбраться из города до дождей, аралию копать (едва ли он знает, что копают ее под снег, на исходе осени), ведь знатные клиенты лучших лекарей нуждаются в моих редких травах.

Илла между тем уже освободила руки раба, помогла ему сесть и поила водой из щербатой плошки. Мне было видно, что теперь она горбится сильнее, плечи вздрагивают – обреченно и тихо плачет, уткнувшись в мужское плечо, заматывает его раздробленные пальцы обрывком рубахи. Раба мне было видно со спины и зрелище открывалось жуткое. Его что, каждый день бьют?

Харим кривился, наблюдая безобразие во дворе, и слушал вполуха мой речитатив, одновременно пытаюсь оценить предстоящие потери. Разобрав, что я бываю в Гнилом лесу, хозяин разом заинтересовался и преисполнился demonstra-

тивного уважения. Он уверился, что страшный лес небось быстро подзакусит нахалкой. И все станет по-прежнему.

– Госпожа желает получить девку в пользование? – принял он последнюю наивную попытку спровадить меня без потерь.

– Нет, – ласково объяснила я, – рабыню я забираю в полное владение, как плату за ваши грубости и глупости. Позовите свидетелей и перебейте бляху. Без стражи, без гвардии и без вмешательства больших людей. Идет?

– Да. – Он сдался, это чувствовалось в голосе. – Что еще?

– Я намерена прикупить раба, которого вы изволили пороть.

– Что, на сладенькое потянуло? Он не только по кобылам мастер, – грязно намекая, презрительно оскалился он и зло бросил, чеканя слоги: – Пять-де-сят золотых.

– Говорили, своего не вернули, убыток один, – капризно напомнила я и передразнила, изо всех сил поддерживая уверенный, даже насмешливый тон: – Од-на ме-дьяш-ка. Вы кого хотите обмануть? Мы же так хорошо, мирно беседуем, без обид. Давайте и разойдемся по-доброму. Торговаться не стану. Я дам за него три новенькие полновесные золотые деньги, это вполне нормальная цена для обоих. Он ведь скоро сдохнет.

– А ты и впрямь лекарка, – недовольно скривился Харим, впервые глянув почти уважительно. – Давай. И проваливай,

пока не передумал. В городе не только стража и гвардия решают кому и как жить. Особенно по ночам.

Мы ударили по рукам, и Харим собственноручно перебил знаки на бляхах ошейников, пригласив двух положенных по закону свидетелей прямо из общего зала корчмы. Он уже постепенно приходил в себя и был почти доволен сделкой. По лицу отчетливо читались его мысли: девчонку, прикидывал он, если даже сломается сегодня, потом еще и еще пороть, упряма непомерно, а раб действительно не жилец, ему ли не знать. Принял деньги, проверил каждую монетку, отвернулся, шагнул в проем и с треском хлопнул дверью перед моим носом, напоследок мстя хоть так.

Лучше камни грузить с рассвета до заката, чем провести день в городе. Как мне привыкнуть?

Я обернулась, ноги дрожали, запоздалый страх прокалывал спину. Ох и ловко я не привлекаю внимания! Говорили мне, не лезь ни во что. А как же тут не лезть?

Они стояли чуть поодаль, мои рабы. Лицо девочки вызывало ужас, про спину парня я пока старалась не думать. День еще не кончился, оказывается.

Пара, кстати, подобралась презабавная: голодные до обглоданных костей, оборванные до непотребной наготы. Стоят на ногах с трудом, но смотрят одинаково прямо, почти с вызовом. Таких любому нормальному хозяину хочется бить просто за взгляд, для профилактики.

Девочка, сама не замечая, вцепилась пальцами в большую мужскую руку у локтя, как клещ. Синяки будут, но ему тут не привыкать. Стройная, тоненькая, волосы темно-коричневые с неожиданным багровым отливом, заметным даже в сумерках, клоками выстрижены, не мыты отродясь. Типичная илла, впрямь южная кровь. И совсем не мертвые у нее глаза. Во взгляде недоверчивое удивление: ее и правда спасли или это совпадение? Даже любопытство. Поживет в Агрисе, вырастет у Римаха вторая красотка не хуже Ирэтэ. Только, пожалуй, гораздо упрямее. Будут Тамил с Мирахом опять женихов сестриных гонять лет через пять.

Впрочем, один-то брат у нее уже есть.

Я перевела взгляд, поднимая голову. Рослый, сухой и таким волком смотрит, аж озноб волнами по спине. Вот и довелось увидеть арага. Глубоко сидящие холодные и, вместе с тем, бешеные глаза цвета чищенного серебра с нехорошим пристальным прищуром. Волосы пыльные, полуседые, плечи костлявые, но широкие и знакомо покатые. Воин. Стоит

цепко, на кинжал мой искоса глянул разок и больше не замечает. Да, нашла с кем в лес на прогулку собираться. Руками горло порвет, а уж с оружием...

– Я Тиннара. Как мне вас звать?

– Как пожелаете, хозяйка, – конечно, девочка взяла переговоры на себя. Теперь уже держится за «брата» обеими руками. Или его держит? Зря, этот волк явно не раз травленный, умный, на людях хозяйку душить не станет. Дождется леса.

– Хорошо. Давай спрошу иначе, – устало кивнула я на парня, – как он тебя зовет?

– Митэ, – она чуть запнулась и добавила: – А я его Наири, хозяйка.

– Уже что-то. Мне нужно найти постоянный двор, – я задумчиво глянула вверх, в отгоревшие закатом пепельно-серые сумерки слоистых облаков. Хоть глазам дать отдых. – Как они говорили? «Бычий хвост»... Нет, это рядом.

– «Золотой рог», – догадливо подсказала она. – В «Рог» не пускают с «ночными грелками», хозяйка. У них даже знатные семьи останавливаются, купцы богатые тоже. И там, я слышала, очень строго и ужас как дорого.

– Грелками? – я тихо выдохнула слово, уже догадываясь о его значении.

– Когда меня продали тому человеку, – тяжело вытолкнула пояснение она, – поменяли ошейник на широкий, с белым узором, как у всех, кто согревает и развлекает хозяев.

– Понятно. Веди, на месте разберемся.

Она послушно заковыляла впереди, припадая на разбитую ногу сильнее прежнего. На голой спине арага целой кожи почти не осталось, его мотало из стороны в сторону, но упрямец все равно бережно придерживал девочку, обнимая за плечи левой рукой. Правую ему раздавили весьма основательно, повязка уже пропиталась насквозь.

В быстро густеющей темноте мы брели по пустой площади. «Золотой рог» обнаружился у восточного ее края, как и говорил мне Римах. Заведение в два этажа с очаровательной мансардой и завитыми северным виноградом балкончиками примыкало к пустым сейчас конюшням и загонам для пленного скота, отделенное от них лишь своим более примитивным дешевым соседом, подслеповатым и обшарпанным «Бычьим хвостом».

«Рог» имел аккуратный игрушечный заборчик затейливой ковки: даже в сумерках угадывались бычьи головы и узорные луговые цветы. Зеленая щетка кустарника ровно подстрижена, охватывает нарядные стены и поднимается двумя колоннами вокруг внушительной дубовой двери с прихотливым литьем медного кольца, оставляющей с обеих сторон от высокой арки входа по четыре широких окна, закрытых безумно дорогими мозаичными кубиками цветного стекла в тяжелых переплетах. И никакой вывески.

Рабы замерли у порога. Мне, очевидно, предлагалось од-

ной проверить, права ли Митэ. Я вздохнула и толкнула дверь. Уютный полутемный холл открывался проемами в два зала справа и слева. Один был темным и пустым, в другом, за занавесом из полупрозрачной ткани, тонко вышитой знаковыми бычьими головами и цветами, уютно горели свечи. Подле дальнего окна солидный господин беседовал с невидимым мне сотрапезником и наслаждался молочным поросенком, запеченным целиком. В бокале играло рыжеватыми бликами выдержанное вино.

– Что угодно госпоже? – неспешный басок вернул мое внимание в холл. Как же я его, такого массивного, не заметила с первого взгляда? Типичный родич Римаха, огромный и рыжий, устроился с удобством в необъятном кожаном кресле напротив входа и смотрит на меня со спокойным вниманием.

– Комнату. Только есть такое дело, при мне два раба неожиданно оказались, и их надо крепко пролечить, лоскуты понадобятся чистые и много воды.

– Кто посоветовал ко мне идти? – с любопытством уточнил рыжий, чуть хмурясь. – Ты ж не из местных, а мое заведение без вывески, в темноте и не найти, не знаючи.

– Римах, – улыбнулась я, используя рекомендацию.

– Как он? – оживился хозяин «Рога». – Неплох, раз опять взялся советы раздавать. Ждал его, вроде к лекарю староста наш ехать собирался.

– Так... – я запнулась, понимая неоднозначность ситуации. Скажу здоров, а он и спросит, с чего такое улучшение резкое. А, была не была! – Сына женит. Полегчало старшему.

– Да ну? – обрадовался собеседник недоверчиво, деловито прихлопнул по доске столешницы, едва ни прогибая дуб. – Стоящая новость. Трудновато поверить, но ведь вчера меня голубем в село вызвали? Вызвали. Тоже хороши, туману напустили, ни слова толком! Да они вечно темнят, медведи непутевые. Ладно, тащи своих рабов. Поселю в пристройке, три серебряных деньги. Там воду носить сподручнее, а уж тряпок Глишка тебе натаскает гору. Ужин берешь? Утка знатная, с овощами да южным рисом диковинным. Это еще десять медяков. Глиша!

– Спасибо, – я отсчитала требуемое. В «Радостях» просили пять медяков за комнату с ужином. Что же там за ужин? Хотя, пожалуй, достойный комнаты.

– Проводи гостей двором в пристройку и лоскутов льняных набери для госпожи поболее, – задумчиво буркнул он огненно-рыжей румяной девахе, вынырнувшей из глубин дома. – Да позови мужа, пусть посидит здесь. А я пойду медведям подарок удумывать. Ишь, свадьба! Могли б толком написать. Все ж бывший наш женишок, хоть и давний.

Глишка рассмеялась, юркнула в дверь и повела нас вокруг дома. Митэ и араг тащились в хвосте, явно из последних сил. Наша провожатая не оглядывалась и не любопытствовала,

на ходу показав колодец у пристройки. Кивнула на просьбу принести крепкого самогона и жаровню с углями. У двери она деловито пообещала доставить ужин «быстрехонько» и прислать еще одну служаночку с лоскутами. Я кивнула благодарно, сунула ей монетку и коротко осмотрелась. Не иначе, за имя Римаха тут делают скидку. Пристройка, доставшаяся нам, состояла из уютного зала, разделенного на гостиную и спальню толстыми плюшевыми шторами, и небольшого коридорчика, выводящего как раз во двор, к колодцу. Три серебряных монеты оплачивали окна того же узорного цветного стекла, камин, глянецовый дубовый пол, добротную резную мебель, свежие цветы в вазах и льняные простыни с затейливым узором.

Со счастливым вздохом я уселась с ногами на добротный диван, застеленный пушистым шерстяным ковром с целым ворохом шелковых вышитых подушек. Оглянулась. Войдя в нашу комнату, рабы остались стоять у двери. Некоторое время я тупо смотрела на них, прислонившихся к стенке и бледных до синевы, пока не поняла: хозяйка должна распорядиться. Ужас. Во что я ввязалась!

– Наири, если можешь, принеси воды. Два ведра.

– Я схожу, – вскинулась Митэ, но араг коротко качнул головой. Вот кого она слушается и без слов. Сникла, глянула на меня неодобрительно.

– Ты сядешь тут и будешь слушать очень вниматель-

но, – пояснила я, вытряхивая довольно неаккуратно содержимое короба на диван. Отложила в сторону лекарский набор, подсунутый в последний момент предусмотрительным Рианом. Принялась торопливо расставлять и раскладывать свертки и туюски с травами. Дверь стукнула о стену: араг невероятно быстро принес полные ведра. Правое висело на сгибе локтя. Я усмехнулась: и у этого вода стоит вровень с краем, не плеснет. Знакомая повадка. Потом мне подумалось, что он не хочет оставлять мелкую без присмотра. – Впрочем, раз есть вода, лучше вымойся сначала. Тебе полить?

– Сам сделаю.

Вот и поговорили: голос арага звучал невыразительно, глухо и довольно низко, с болезненной задыхающейся хрипотцой. Здорово его избили, но дело тут в ином. Принеся воду, он буквально почернел. Да что же это?

– Сиди, – сердито бросила я, вытаскивая со дна короба запасную рубаху. – И рассказывай толком, что у тебя за болезнь такая странная? Уже поняла, дело не в порке, к этому безобразию ты отнесся на диво безразлично. Давай, меняю подробную историю на одежду для Митэ.

Принимая сделку, араг серьезно кивнул и уселся, или, точнее, свалился на пол в углу. Оттуда он и принялся негромко рассказывать, временами задыхаясь и смолкая ненадолго. Тогда свое слово мигом вставляла неугомонная

Митэ, «братец» сердито косился на нее и снова нехотя принимался говорить.

Его били с завидной регулярностью, последнее время чаще всего за попытки защитить маленькую рабыню, появившуюся в заведении пару лет назад. Это привычно. Настоящую проблему он показал, повернувшись спиной: две относительно небольшие симметричные багровые припухлости у нижних ребер. Я потребовала новых подробностей. Он холодно блеснул белесыми радужками и очень честно объяснил, не забывая приглядывать за моими руками, поливающими из ковшика мелкую. «А ведь придется ему что, на месте шею свернет», – пробежал по спине холодок. Как же он бугая упустил? Впрочем, если поискать по канавам, может, там уже кто лежит со свернутой шеей. Илла взрослеют рано, в свои голодные одиннадцать лет Митэ выглядела уже не ребенком, а подростком. Наверняка зарились. Я глянула на арага с опасливым интересом. Не каждый станет спину свою день за днем подставлять из-за чужой девчонки. Еще труднее было осознать, осуждаю ли я его спокойную готовность в любую минуту забрать чужую жизнь. Жутковатая, отталкивающая черта, сохранившая девочке способность улыбаться до сегодняшнего вечера. Он усмехнулся, по-своему оценив мой взгляд, и продолжил рассказ.

Араг был безнадежным существом с точки зрения любого

хозяйина. Рано или поздно, один или в компании, он обязательно совершал побег. Его ловили, били, морили голодом, ему ломали кости ног, вынуждая ползать. А он все равно бежал. За четырнадцать лет, не считая многочисленных совсем неудачных попыток, этот упрямец совершил десяток почти успешных побегов. Ключевое слово – «почти».

– Ты ведь воин, и не из последних, – удивилась я. – Неужели из Карна так невозможно трудно бежать?

– Как видишь, – нехотя признал он.

– Разговорчивый ты.

– Да.

– Не тратьте на него время, хозяйка, – пискнула Митэ. – Он всегда такой. У вас что, никогда не было своих рабов? Похоже! Вы ведь с нами так нелепо возитесь! Бежать очень трудно. Любой раб на улице ночью будет пойман и доставлен в помещение стражи. Через ворота раб может пройти только с хозяином. Одевают нас, которых строптивыми считают, – сами видите, вполне приметно, да и кожа на шее, если снять ошейник, гладкой и загорелой не станет. Внешне мы отличаемся от жителей Карна, и все такие, как мы, – рабы. Отпущенные на свободу араги и илла ходят с грамотами в кошеле и носят особый браслет с княжеским знаком.

– А вне города?

– Нас пристегивают к телегам, лошадям, кольцам на придорожных столбах. А в селе – к плугу, например. И там сбе-

жавших травят собаками. Ная не раз травили. Но он все-таки однажды добрался почти до степи.

– Митэ! – сердито одернул болтливую сестру араг. Вздохнул и нехотя буркнул: – Есть «говорящая черта» окаянных. О перешедшем ее беглом рабе узнает видья ближайшего храма. Таких линий не заметить глазом, но они прочерчены во-круг городов, это я уже знал. Но про другие, близ границы... Я пересек черту здесь, на северном тракте, и на другой день они нашли меня, словно меченого. Впрочем, теперь я уверен: есть и метка. Окаянным только дай сотворить гадость.

Я замотала девочку в большое полотенце и усадила рядом, кропотливо разбирая спутанные густящие космы.

Араг чуть помолчал и продолжил рассказ, глянув на лежащую рядом рубаху.

Харим приобрел его два с лишним года назад. Наири как раз поймали близ границы и продали случайному купцу, который ловко сбыл порченный товар в «Радости ночи». Араг на новом месте вел себя идеально, был послушнее собаки и приносил неплохие деньги. Две недели. Усыпив бдительность владельца, он, естественно, покинул корчму. Его вернули. Полгода спустя сбежал снова. Хозяин, все еще надеясь на прибыль, применил крайние меры. Довольно дорогие, но исключают повод для беспокойства.

Личинок туурда доставляли в небольших количествах

купцы, приводившие караваны от далекого Полуденного моря, где и покупали крошечных белесых червячков у черных корабелов с немислимого, запредельно далекого юга. Туурд – паразит, его можно подселить под кожу человека и добиться полного контроля над строптивцем. Нет, не послушания, а только контроля. Личинка размещается на спине раба, откуда быстро уходит под ребра, добирается до почек и живет на их поверхности, практически недоступная для изъятия, поскольку срастается с живой тканью. Человек ей мало подходит в качестве пищи и вовсе не годится для продолжения жизненного цикла. Зато пораженный туурдом теряет способность долго бегать и даже быстро ходить, совершать безнаказанно любую тяжелую работу. Наказание – сводящая с ума боль, которая через некоторое время гасит сознание. Так что уже два года Наири физически не мог сбежать, хотя это не означает, что он не пробовал. Туурд, кстати, долго в теле человека не живет. Обычно гибнет в течение трех лет, забирая и жизнь раба.

Все это он мне рассказал очень спокойно. Напоследок добавив, что хозяин меня сильно обманул с ценой, поскольку жизни арагу осталось совсем немного, как и способности приносить пользу. Кажется, его сильно забавляло положение дел. Впрочем, не мне обсуждать странное отношение к жизни. Я-то всегда была свободной.

Пока отмытая до врожденного золотистого загара илла

смешно трясла расчесанными волосами и примеряла новую рубаху, я разложила Наири на полу и прощупала злобные личинки, чуть приотпустив на волю дар. Накрепко впившиеся в почки, разросшиеся, окруженные нарывами и гниющей плотью, но вполне извлекаемые, учитывая перешедший ко мне богатый опыт Риана. Благо, получивший место в гербе Карна за свою уникальность, серебрилист способен творить чудеса. Он врачует поврежденные ткани, фактически обновляет, и залечивает почти любые раны. Правда, действует лишь при свежих повреждениях. Я предложила Наири удалить паразита, но ценой разрезания обоих нижних подреберий. Предупредила, что будет больно и после специального травяного настоя. Араг посмотрел на меня с неподдающимся расшифровке сомнением и, понятно, согласился. Даже прямо сейчас.

– Ой, эх его измочалили, – сочувственно вздохнула за спиной Глишка, вернувшаяся с подносом. Утка оказалась огромной, и возмутительно, непередаваемо вкусно пахла. К ней подали здоровенный чугунок с рисом, два вида соуса и хрустящий теплый каравай, выложенный на стол в полотенце. Так называемый самогон оказался прозрачным и подавался в узорном цветном стекле. – Я тряпки принесу скорешенько, вы кушайте пока. Жаровню сеструха мигом доставит. Да вот и она!

В четыре руки служанки, в которых я не без основания заподозрила дочерей хозяина, мгновенно накрыли на стол и исчезли, прикрыв дверь. Премудрый хозяин явно выдал порцию на троих, даже тарелок принесли именно такое количество. Прав Римакх, это лучшее место в проклятом городе. Две пары глаз – белесые и густо-чернильные – смотрели на ужин, словно в мире не существовало ничего, кроме этой утки. Еще бы, интересно, когда они в последний раз ели?

Наири был так страшно голоден, что, утратив каменное выражение лица, мучительно сглатывал тошноту пополам со слюнками слюны и желчи. Митэ, видимо, кормили чаще, она быстро отвлеклась от утки и теперь смотрела, как и я, на арага. Потом на меня. Еще на колени вот-вот бухнется, испугалась я и прикинула, можно ли кормить пациента перед операцией. Опыт Риана задумчиво развел руками: «как знаешь», – ехидно предлагая выбор между отравлением и голодным обмороком. Сребролист – средство очень быстрое, может, и обойдется.

– Наири, садись и ешь, только самогон не трогай, он для дела. Но учти, я не гарантирую, что еда сочетается нормально с вырезанием этих личинок. Может затошнить или хуже...

– Да ему и так хуже некуда, – торопливо вмешалась Митэ. – Пусть ест.

– Ужин подают хозяевам, – он слегка замялся, теряя остат-

ки показной безразличности к происходящему.

– Я буду только травяной чай и хлеб, потом. Митэ оставь половину.

Снова покосился на меня с сомнением, но уточнять не стал. Резко поднялся, дотащился до стула, свалился мешком. Поделил утку пополам и, неловко орудуя двузубой вилкой, едва ли выдаваемой обычно рабам, принялся за еду с отменно здоровым аппетитом. Потом еще раз глянул на нас и отложил вилку в сторону. Мне понравился хруст костей на его крепких зубах. Самый приятный звук за день.

Глиша приволокла ворох льняных тряпок, следом сестра внесла пирожки и большой кувшин с квасом. Оставив все на столике у порога, девушки попрощались до утра, уточнив, что мне больше ничего не надо.

– Митэ, садись, прежде будем тебя лечить.

Я принялась набирать травы в чашку, предварительно поставив на огонь котелок с водой, принесенный вместе с жаровней. По ходу ругалась тихонько: бугаю я объявила ущерб в пять золотых, отстаивая Митэ. А тут пойдя разберись, что с чем перемешалось! Пять золотых убытка, как же! Все деньгами меряют, стервецы.

Девочка следила за моими руками с интересом, иногда помогала, когда понимала, что надо делать. Спрашивала про ту или иную травку и радовалась, угадав название. Откуда

только знает, в городе ведь росла. Наири не переставал работать челюстями, то и дело сердито косясь на названую сестрицу. Словно, болтая со мной, она нарушает заведенный порядок. От хозяев он добра не ждал, разве что необходимой передышки до следующего неизбежного обмана. На меня не смотрел, наверняка считая мерзавкой, намеренно задабривающей наивную девочку. Да и его самого. Не на того напала. Интересно, кому, кроме маленькой иллы, он доверяет?

Пришло время доставать из набора Риана иглы, нитки, пинцет и тонкий рабочий нож. В лесу я бы все сделала иначе, но тут город, окаянные не дремлют, я их и теперь чую обеих.

Ладно, пора начинать.

Араг медленно доедал хлеб, явно растягивая удовольствие, когда я закончила работу над травмами иллы. Коленка была разбита тяжело, но не опасно. Лицо удалось спасти, даже швов не останется, кроме небольшого на губе. Им и зубом займусь в другом месте. Наири не морщась, безропотно, выпил омерзительный настой, томившийся над жаровней. Я собрала травки и для снятия боли, и для создания неприятностей туурдам. Риан, по счастью, знал и о них! Интересно, он бывал так далеко на юге? Спрошу как-нибудь позже, при случае.

Теперь Митэ внимательно слушала меня, невозможно серьезная и важная. Еще бы: когда я стану лечить арага, уже снова разложенного на полу, она будет помогать. Убедившись в ее отменной памяти, я посадила девочку ужинать,

продолжая инструктировать. Малявка с первого раза запоминала названия инструментов и свои обязанности, все более удивляя меня.

Прирожденная лекарка и травница!

Провозились мы часа четыре, и, закончив, сидели у окна, усталые до полуобморока и настолько же довольные собой. Дохлые туурды, раздавленные Митэ для полной гарантии их кончины, валялись в грязных, заляпанных кровью тряпках, которых за эту ночь накопилась гора.

Наири постанывал в дурманном забытьи. Я зашила обе раны, истратив на их обработку почти весь запас сребролиста. Потом принялась собирать из осколков костей и рваных жил руку. В это время илла, пыхтя от усердия, бережно наносила на изодранную кнутом кожу мазь на основе того же сребролиста, делая это на удивление профессионально. Интересно, все пальцы сохранят подвижность? Я старалась, но случай трудный. К тому же руку ему портили и прежде. К утру все зарастет, а на ребрах образуются свеженькие мозоли. Травку не зря покупают в сухих листьях не на вес, а на объем золота. Или в порошке, но уже минимум по семикратной цене. Под восстановленные ребра арага уместилось не меньше восьмидесяти золотых, столько же монеток устилало спину. Накладное дело – содержать рабов, мне явно не по карману. Допив остывший травяной чай с привычным уже мерзко-сладким послевкусием, я покосилась на арага.

– Митэ, давай я постелю на диване, а ты тихонечко нашеп-

чи ему на ухо – пусть туда добирается. Он сейчас уже может двигаться и еще не спит.

– Как пьяный, да? – фыркнула она. – Так пусть тут дрыхнет, нам без разницы. Все не на камнях.

– Ему будет приятно проснуться на нормальной кровати, вот сама посмотришь.

Она серьезно кивнула, заинтересованная моей идеей. Было очень занятно смотреть, как заботливая илла укладывает послушного и неловкого братца, гладит по пыльным волосам, укутывает одеялом. Неужели этот безмерно длинный день заканчивается? Вот и мы наконец отправились спать, напоследок чуть не в драку поделив с обнаглевшей Митэ широкое одеяло и место на необъятной кровати. Последней осознанной мыслью было: завтра, то есть сегодня, надо ей купить хоть что-то из одежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.